Закон сильной женщины

Автор:
Галина Романова

Закон сильной женщины

Галина Владимировна Романова

Детективная мелодрама

Мужчины не любят сильных женщин – кажется, именно это мамы до сих пор говорят своим дочерям. Арина не умеет быть слабой, робкой, покорной, и еще совсем недавно муж восхищался и гордился ею. Может быть, он просто устал от этой вечной дуэли, от жизни, похожей на ринг, на котором ты каждый день доказываешь себе, что умеешь не сдаваться? Но именно эта сила спасет Арину, когда ей будет грозить настоящая опасность. И именно нежелание снова отправиться в нокаут заставит ее мужа стать сильнее – чтобы научиться наконец принимать победы и поражения в любой схватке…

Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений.

В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда – сама жизнь.

Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание.

Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

Галина Романова

Закон сильной женщины

© Романова Г.В., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

В этой части города было так безлюдно, так тихо и неподвижно, что все казалось нарисованным на старом грубом холсте любителем зловещих пейзажей. Не шумели машины, не шуршало в жухлой траве. Не слышно ничьих шагов. Мощные стволы старых деревьев, провожающих узкую аллею до самой реки, с трудом можно было разглядеть в темноте. Каменный забор старого парка слева, одинокий фонарь где-то впереди. Свет едва угадывался размытым пятном в листьях высоких тополей. Черные глазницы окон двухэтажных старых домов вдоль дороги казались бездонными дырами. Неоновая вывеска павильона, где днем торговали фруктами, почему-то не горела. Наверное, экономили, решила она. Сейчас все экономят.

Зачем она свернула сюда, на эту старую улицу? Как попала в этот заброшенный мир? Там, откуда она пришла, было светло и многолюдно. Но ей не нашлось места даже во дворе ее дома. Карусель, на которой она обычно просиживала до полуночи после каждого скандала с мужем, оказалась занята влюбленной парой. И скамейка под старой липой тоже была занята. Пришлось идти прочь со двора, потом с людной улицы, где гуляли, катались на роликах, смеялись, курили, пили пиво. Она шла долго, почти не замечая, куда идет. И вдруг очутилась здесь. В старом городе, где было тихо, безлюдно, пыльно и немного страшно.

Почему она здесь? Захотелось тишины, одиночества? Или просто ноги сами собой несли ее к реке? А туда зачем?

– А там, дорогая, ты когда-то стала женщиной, – с горечью прошептала Арина. – И ничуть об этом не пожалела.

Пожалела она много позже, когда вышла замуж за человека, с которым лишилась невинности. Очень сильно пожалела. Почти сразу. Он оказался выдающимся любовником, но довольно посредственным мужем. Его темперамент, нежность, терпимость и неутомимость, оказывается, ограничивались территорией постели. Стоило ему покинуть эту территорию, как он превращался в злого, неуравновешенного скота. Из-за него, из-за этого мерзавца, она и блуждала сейчас по городу в домашних тапочках. Не успела даже туфли надеть – муж летел на нее из кухни с занесенным для удара кулаком. Драться с ним она не хотела, потому и убежала.

– Самоуверенная сука! Наглая самоуверенная сука! – орал он ей в спину, пока она мчалась вниз по лестнице. – Провалиться бы тебе, гадина!

Она не боялась его. И запросто могла бы уложить на обе лопатки. А то и наподдать хорошенько. Она была сильной, спортивной. И хотя почти забросила спортзал, все еще сохранила замечательную форму. Пару недель назад, когда ее благоверный вознамерился в очередной раз поучить ее покорности, Арина швырнула его через себя с такой силой, что ему пришлось править спину у знакомого мануального терапевта.

И что отвратительно: его ничто не способно было научить обращаться с ней уважительно. Он будто верил, что, теряя с ним невинность, Арина потеряла и достоинство.

– Так не будет, – твердо сказала Арина, втирая мужу в поясницу согревающий бальзам. – Я не поддамся, Саш, не думай. Колотить ты меня не посмеешь. Для этих целей тебе надо было поискать другую.

– Мне другая не нужна. Я тебя люблю, – бубнил муж, уткнувшись носом в подушку.

– Так люби нормально! Без этих твоих штучек! Зачем?! Зачем тебе все это?!

– Ты меня так иногда бесишь, Аринка, – со вздохом признался муж и застонал, когда она сильно нажала на больное место. – Так иногда бесишь! Вот в постели у нас с тобой все идеально. Просто не могу представить, с кем бы мне еще так было хорошо, как с тобой. Но стоит выбраться из-под одеяла…

– Что во мне не так, Саша?

Арина осторожно перевернула мужа на спину, укутала толстым шерстяным пледом. Погладила его по гладковыбритому лицу. Провела ладонью по его голове. Она любила это лицо. Смуглое, с жесткой линией рта, карими глазами, по-мужски изящным носом. Когда эти глаза смотрели на нее с соседней подушки, они наполнялись нежностью, страстью, но как быстро все это исчезало, стоило Арине и Саше начать спорить.

Она повторила:

– Что во мне для тебя не так?

– Я не знаю. Я не могу разобраться, – слабым голосом отозвался он после паузы. – Может… Мне иногда кажется, что ты для меня слишком умная, что ли?! Мы с тобой иногда будто иностранцы! Будто говорим на разных языках! Язык тела нам с тобой понятен! И все! Потом начинается какая-то абракадабра!..

Абракадабра длилась уже почти десять лет.

Пять лет они встречались. Красиво все было! Очень красиво! Они не могли надышаться друг на друга, не могли друг другом насытиться. Им даже говорить друг с другом не было необходимости. Все казалось таким простым и понятным.

Через пять лет они поженились, и оказалось, что говорить-то им и не о чем. Точнее, необходимость в диалоге возникала постоянно, но диалога не получалось. Ссоры… Постоянные ссоры первые три с половиной года. Потом Саша начал пытаться поднимать на нее руку. Она простила только первые две пощечины. Потом начала давать сдачу. Однажды их драка привлекла внимание соседей – двух пожилых сестриц из квартиры напротив, и те вызвали полицию. Не передать словами, как Арине было стыдно отвечать на вопросы приехавших патрульных.

– Это точно вы ударили его в область глаза?! – без конца повторял старший сержант и опасливо ежился, посматривая на громадных размеров гематому под Сашкиным левым глазом.

– Я.

– Но разве женщина может так-то? – удивлялся патрульный. – Слабая женщина…

– Я не слабая женщина. Я – мастер спорта, – отвечала она со вздохом.

И старалась не замечать любопытных соседских глаз. Те, кто вызвал полицию, не отказали себе в удовольствии присутствовать при разборках. И ввалились в их квартиру вместе с патрульными прямо в ночных пижамах и лохматых тапках с кошачьими мордами.

– Раз вы мастер спорта, вы не имели права применять свои навыки на муже, – сурово супился старший сержант. – Вы не имели права нападать на мужа!

– Я не нападала. Я защищалась.

– Но на вас-то ни единой царапины. А у супруга травмы! – и сержант обратился к Сашке с вопросом: – Вы будете писать заявление, пострадавший?

– Нет. – Сашка передернулся. – Охренели, что ли?! И вообще, сержант, забирай этих двух клоунов и заканчивай этот цирк. Мы сами разберемся…

С тех самых пор Арина стала сбегать из дома. Как только атмосфера в их доме накалялась до предельно допустимой отметки и Сашка летел на нее с кулаками, она выскакивала за дверь. И сидела на каруселях до тех самых пор, пока в ее окнах не переставал гореть свет. Погасший свет был знаком, что Сашка капитулировал. Забрался под одеяло. Так что можно было не бояться потерять облик слабой беззащитной женщины, превращаясь в бойца.

Сегодня момент капитуляции будет ею пропущен. Любимые качели были заняты. Скамейка под старой липой тоже. Она не вернется домой в темноте в нужное время. Не влезет к мужу под одеяло, пока он еще не спит. И он не обнимет ее осторожно и не шепнет на ухо:

– Прости, любимая. Ради бога, прости свое чудовище…

Она порой не знала, кто из них двоих более чудовищен: он – желающий ее покорности, или она – не желающая покоряться.

Арина осторожно ступала в домашних тапках на мягкой резиновой подошве по аллее. Ее шагов не было слышно вовсе. Она не шла, а будто скользила, как привидение. В этой части города будто умерли все звуки. Ей сделалось не по себе. Казалось, она оглохла на оба уха. Тишина, никакой жизни вокруг.

Арина ускорила шаг и через несколько минут отчетливо услышала плеск воды. Река рядом. Метров через двадцать будет спуск к реке. На крутом склоне кто-то год за годом вырубал в земле аккуратные ступени. По ним они спускались с Сашкой много лет назад, когда она решила для себя, что все – хватит его мучить. Все случится сегодня! По ним она спускалась не раз потом и без него. И пару месяцев назад тут была. Правда, тогда шел дождь, и было прохладно. Арина промерзла и долго не просидела на перевернутой лодке, вернулась во двор задолго до того, как в ее окнах погас свет.

Сегодня было тихо, относительно тепло для начала осени. Сегодня у нее было время послушать плеск волн о крутой берег. Сашка сегодня был просто неузнаваем. Он просто сошел с ума! Он угомонится не скоро.

Аллея кончилась, уткнувшись бордюром в насыпь из песка и щебня. Через три метра ступеньки, ведущие вниз. Арина полезла на гору щебня, когда услышала это.

Хрип? Стон? Всхлип? Или бульканье? Может, кто-то тонет? Или кто-то уснул в кустах, густо разросшихся по берегу, и храпит?

Она присела на корточки и замерла. Прислушалась. Странный звук повторился. Это был хрип. Точно хрип, не храп. Но какой-то странный. Тот, кто хрипел, будто захлебывался. И он точно не тонул. Звук шел из кустов, не со стороны реки. Из кустов, в паре метров от того места, где притаилась Арина.

– Вот видишь, как все удачно складывается, – вдруг раздался мужской голос. Тихий, почти ласковый. – Ты думала, что не выйдет у меня ничего, а у меня все

вышло, девочка.

У нее отчаянно заколотилось сердце. Этот человек видит ее? Он обращается к ней? Почему его голос кажется ей знакомым? Это не может быть Сашка! Нет! Голос кажется ей знакомым оттого, что мужчина говорит шепотом! А в шепоте все голоса схожи. И он точно обращается не к ней – не к Арине, потому что следом мужчина достаточно громко прошептал:

– Ты умираешь, девочка, умираешь. Такая твоя судьба, да. Мы ее не выбираем, понимаешь? Ее кто-то выбирает за нас. И за меня кто-то выбрал…

«Странная серия убийств, прокатившихся по городу, смеем предположить, что по нашим улицам разгуливает маньяк…»

Строчки из публикаций заплясали у нее перед глазами. В висках запульсировало с такой силой, что она на мгновение ослепла. Зажмурилась и глубоко задышала.

– Тебя найдут не сегодня, малышка, – продолжил шептать убийца в паре метров от Арины. – Но найдут непременно. Ты не должна смотреть на меня так. Не упрекай меня. Так надо. Так было надо, пойми. И ты потом оттуда, сверху, скажешь еще мне спасибо. Я сделал это для тебя, я сделал тебя счастливой! Ты потом поймешь, что я сделал тебя счастливой!..

Девушка, которая умирала совсем рядом, почти затихла, хрипы со странным бульканьем прекратились, и теперь Арина слышала лишь слабый сип. Вскоре и он стих. А страшный человек продолжал говорить, говорить. Он уговаривал свою жертву принять смерть как избавление. Он почти ее умолял, а потом расплакался. Арина отчетливо слышала его всхлипы и неразборчивый лепет. А потом зашуршала одежда.

Он что, переодевается? Или просто снимает с себя все, чтобы… Чтобы что? Изнасиловать мертвое тело? Она что-то такое, кажется, читала в газетах. Всем найденным жертвам было перерезано горло, и они были изнасилованы. Только не уточнялось, сделал это убийца до или после того, как девушка переставала дышать.

После! Он делал это после!

Она слышала характерные движения, его постанывания. И понимала, что надо что-то делать! Момент был невероятно удобным. Она могла схватить его. Она сильная, крепкая, она мастер спорта. Она сможет схватить его и доставить в участок, чтобы страшные убийства прекратились. Чтобы молодые красивые девушки, а он выбирал именно таких, перестали умирать. Ей не нужны были награды, и слова благодарности тоже были не нужны. Единственное, о ком она подумала, вставая в полный рост и делая отчаянный прыжок в сторону, где свершилось страшное, – это о Сашке.

Может, он теперь изменит свое отношение к ней? Может, к его странной любви теперь добавится хоть капелька уважения? И он перестанет считать ее неуправляемой, невыносимой и непокорной?

Незамеченной появиться не вышло. Ей пришлось продираться сквозь кустарник, производя невероятный шум, и этого оказалось достаточно, чтобы убийца отреагировал. Когда Арина выскочила на маленькую полянку, он уже стоял в полный рост рядом с телом. Высокий, мускулистый, голый. Он стоял, прикрываясь от нее ворохом одежды. Луна была ей в помощь. Арина отчетливо рассмотрела, насколько он замечательно сложен. И силен, подумала она тут же. Ей придется повозиться, пытаясь свалить его с ног.

Мужчина был молодым. И возможно, симпатичным, но об этом можно было только догадываться. На голову подонка была натянута черная маска, с прорезями для глаз и рта. Тридцать с небольшим, подумала она, еще раз скользнув по нему взглядом и напружинивая мышцы. И сделала осторожный выпад влево. Именно там – слева, в зарослях кустов просматривалась брешь. Видимо, оттуда он пришел и туда намеревался удрать.

– Стой где стоишь, урод. – Арина приняла стойку, сжала кулаки, привычно прикрывая ими нижнюю часть лица.

– Смелая! – прошептал убийца, не шевельнувшись.

– Какая есть! – Арина медленно, очень медленно сокращала между ними расстояние. – Уж точно не такая мразь, как ты!

Ей нужно было подойти еще на метр, чтобы ее удар достиг цели. Но убийце тоже было об этом известно. В прорези маски блеснули зубы. Он улыбался.

– Не надо, детка, – ласковым шепотом попросил он, стоя неподвижно и не делая ни единой попытки удрать или напасть на нее. – На сегодня мне хватит. Ты будешь лишней. К тому же я не люблю таких смелых, как ты.

– А каких же ты любишь, урод?! – Арина отчетливо услышала скрежет своих зубов.

– Милых, податливых, безропотных. С ними хорошо и не хлопотно. – Кажется, он снова улыбался. – А с такими, как ты, одна морока, поверь. Таких, как ты, ни убедить, ни уговорить невозможно.

Господи! Он сейчас почти слово в слово повторил все сказанное Сашкой в сегодняшнем скандале! Непонятно почему, но она снова внимательно осмотрела голое тело убийцы.

Нет! С ума сошла, да? Это тело не ее мужа! И голос не его! Хотя понять, кому принадлежит этот сдавленный шепот, невозможно. Мужской шепот почти не имеет оттенков. Это просто мужской шепот, и все!

– Зачем ты делаешь это с ними, сволочь? – она понемногу сокращала расстояние, концентрируясь на его руках, занятых тем, чтобы не уронить одежду. – Зачем ты убиваешь их?

– Это доставляет мне удовольствие, – просто ответил он и снова, кажется, улыбнулся. – А что доставляет удовольствие тебе, малышка? В чем ты находишь для себя невероятную радость? Работа? Дом? Семья?

Честно? Его вопрос застал ее врасплох. Она не могла бы так вот с ходу ответить даже самой себе, что для нее в жизни истинная радость и удовольствие. Работа – она и есть работа. Это для нее всегда был способ зарабатывания денег. Какое может быть удовольствие в подъемах по будильнику, редких выходных, постоянных неоплачиваемых сверхурочных? Дом, семья? Последние года два ей порой возвращаться туда не хотелось. Сашка превратил это священное место в поле битвы, в ринг.

– Хочешь, я отвечу за тебя? – вкрадчиво поинтересовался убийца, и снова его зубы блеснули в прорези маски. – Хочешь, скажу, что тебя делает счастливой?

– Отвали! – резко оборвала его Арина и еще сдвинулась сантиметров на десять, все так же прикрывая живот локтями, а лицо крепко сжатыми кулаками. – Одевайся, тварь, сейчас идем с тобой в полицию.

Он будто не слышал. Покачал головой и едва слышно рассмеялся.

– Ты, детка, любишь побеждать! В этом твое призвание. Наверняка не успокаиваешься, пока мужика своего не уложишь на лопатки. А? Я прав? Победить его в споре! Отстоять свою точку зрения! Заставить его с тобой согласиться! Заставить – ключевое слово! Вот твое призвание – побеждать!

– С чего ты взял, что у меня вообще есть мужик? – грубо оборвала она его и решила, что на третьем выдохе нанесет ему удар левой ногой в пах, а правой рукой ударит по затылку, когда он согнется.

В ее голове ворочались нехорошие мысли. Эта преступная сволочь неплохо разбиралась в психологии. Он не знал ее. Наверняка не знал, но как-то очень быстро и точно составил ее психологический портрет, над созданием которого ее муж до сих пор отчаянно и безрезультатно трудился.

– С чего ты взял, что у меня есть мужик? Может, я одинокая?

Первый вдох-выдох, полная концентрация. Второй вдох-выдох, протяжнее, глубже.

– У тебя кольцо, детка. Обручальное кольцо.

– Что?

Мгновение, краткое мгновение, она затратила всего лишь пару секунд, чтобы машинально развернуть к своим глазам правую кисть и глянуть на безымянный палец. Все правильно, кольца там не было. Она снимает его всегда, когда принимает душ. И оставляет на полочке в ванной, чтобы утром надеть после того, как примет душ. Откуда он…

Этой пары секунд, на которые она так тупо утратила бдительность, оказалось ему достаточно. Резкий взмах сильной мужской ноги, толчок в грудь,

распластавший Арину на земле. В следующее мгновение он уже сидел на ее животе, уложив стопы на ее коленки и с силой прижимая. Тяжелый, сволочь! Невозможно двинуться! Ее запястья оказались в его сильных руках. Его пальцы казались железными. Одно утешало – пока его руки заняты, он не сможет перерезать ей горло. Она не позволит ему! Ни за что не позволит сделать с собой то же, что он сделал с этой бедной девушкой, чье тело сейчас остывало в метре от нее. Она станет бороться за свою жизнь!

– Вот видишь, детка, как все просто, – прошептал он, наклоняя свое лицо над ее. – Вся твоя сила и ловкость бесполезна. Все меркнет перед банальным бабским любопытством. Даже такие непобедимые и сильные духом спортсменочки проигрывают, так?

– Пусти меня! – она завозилась под ним, но вышло плохо. – Чертова скотина! Что, на живых не встает, да? Тебе надо в чьей-то крови искупаться, чтобы вышло? Нужно, чтобы под тобой никто не дышал, да? Купи себе резиновую куклу, мерзкий извращенец! Пусти меня!

– Ух ты… – Его шепот сделался злым, давление его тела невозможным. – Какая плохая девочка… Придется тебя наказать! Придется долго тебя наказывать. Очень долго… И только тогда ты поймешь, что такое настоящее счастье!

– И когда же?! – еле смогла она выговорить, дышать ей становилось все труднее. – Когда я пойму?!

– Когда будешь знать, что завтрашний день для тебя все же наступит…

Глава 2

– У нас еще один… – Полковник попытался подыскать замену для слова «труп», но ничего в голову не пришло. – С мая это четвертая жертва.

– Убивает в месяц по девушке, – подсказал кто-то услужливый.

Полковник не понял, кто именно, но ему и не важно было. Он и без подсказчиков знал, что это так. Маньяк ходил на дело как по расписанию.

Он смотрел на Володю Воронова. Лучшего опера в его отделе. Что скажет? Как отреагирует на новость? Ничего, выдержал, не завелся. Цвет лица лучшего опера, правда, не радовал. Или заболел, или напился вчера, второе более вероятно. После того как от Воронова ушла жена, забрав сына и все, что было в доме, тот частенько запивал дня на два-три. На работу, правда, ходил исправно. Но толку от этой его обязательной ходьбы? Толку не было никакого.

– Воронов, доложи, – жестко потребовал полковник. Прошло время для жалости и снисхождения.

– Жертва – студентка педколледжа, девятнадцать лет. Тихая, спокойная, не пьющая.

– Он себя шлюхами не марает, – зло фыркнул все тот же подсказчик.

Полковник понял, кто это. Самохин, Илья Валерьевич Самохин. Вечный оппонент и недруг Воронова. Понятно, чего выделывался. Подписание приказа о назначении начальника отдела уголовного розыска откладывалось и откладывалось. Воронов пил потому что, а кроме него, у полковника кандидатур не было. Самохин, видимо, решил, что он подойдет, вот и суфлировал, умник.

Воронов не отреагировал, будто не слышал. Провел рукой по коротко стриженным русым волосам. Рука подрагивала – плохой признак. Значит, пил вчера, решил полковник.

– Рассталась с подругами на автобусной остановке после просмотра фильма в кинотеатре «Маэстро». В половине одиннадцатого вечера подруги сели в автобус и уехали. Вероника Малахова пошла пешком. До дома ей было пару кварталов. Подруги утверждают, что она всегда так делала.

– В смысле? – прикинулся не понимающим Самохин. – Пешком одна блудила по ночам?

– В том смысле, что провожала их и шла пешком домой. Вернее, на съемную квартиру, – ничего не выражающим голосом ответил Воронов. – Угол ее дома был виден с остановки, по словам тех же однокурсниц.

– Ты проверял? – уточнил полковник.

Что Воронов не пошел на поводу у Самохина и не стал злиться, ему понравилось. Значит, контролирует себя. Или сил нет после вчерашней попойки?

– Да, – кивнул Воронов. – Угол дома в самом деле просматривается с остановки. И идти там по освещенной улице. Народу полно в это время, сеанс только закончился.

– Уже неплохо. Нам надо что сделать? – Длинные тонкие пальцы полковника прошлись дробью по столешнице. – Нам надо проверить, есть ли камеры на этой улице. Просеять каждого, кто шел за ней следом. Или навстречу. Или просто стоял. Опросить всех, кто был на этом сеансе. Надо обратиться через средства массовой информации к жителям.

– Уже, – угрюмо кивнул Воронов. – Местный криминальный канал сегодня запустит объявление. Но…

– Что но?

– Думаю, он не засветился ни в кинотеатре, ни под камерами, товарищ полковник. Мы уже работали в этом направлении – пусто. Он очень, очень осторожен.

– А вот где он мог ее тогда поймать? Возле подъезда? У двери квартиры? В самой квартире?

– Это исключается, товарищ полковник. У подъезда камера, войти незамеченным невозможно, плюс на двери кодовый замок. Код замороченный, жильцы постарались. В квартире – тоже исключается. Малахова снимала комнату, жила с хозяйкой. Она-то и забеспокоилась, начала обзванивать подруг. А когда узнала, что они давно расстались, позвонила в полицию.

– Надеюсь, в свете последних событий ее не послали на трое суток?

– Никак нет, товарищ полковник, – тут же встрял Самохин. Надо же, вывернул толстую шею в сторону начальства под немыслимым каким-то углом. – Наряд послали, обследовали двор и все подступы к нему. Малахову не нашли. И никаких следов борьбы во дворе тоже.

– Во дворе в тот вечер молодежь тусила – отмечали скорые проводы в армию одного из жильцов. Они утверждают, что Вероника не заходила во двор, они ее не видели, – перебил Самохина Воронов. – Вообще никаких девушек не видели.

И впервые за время совещания недовольно поморщился в сторону Самохина. Видно, тот тоже его достал.

– Что у нас получается? – полковник вопросительно глянул на Воронова.

Нарочно выразительно глянул именно на него, давая понять, что ответ ждет от него, ни от кого больше. Но Самохин не понял. Или не видел. Или вообще никаких рангов не признавал.

– Там есть место, товарищ полковник. – Он приподнял толстый зад и протянул шефу план местности, нацарапанный от руки. – Между двумя домами участок десять на десять метров. Полностью утопает в темноте. Думаю, именно там преступник подкарауливал жертву.

– Думает он! – фыркнул полковник со злостью.

Вырвал из руки Самохина лист бумаги, посмотрел. С раздражением подумал, что план сделан замечательно. С соблюдением всех масштабов. Укорил взглядом макушку Воронова. Тот опустил голову и ни на кого теперь не смотрел.

– Это что значит, по-твоему, Илья?

– Это может значить, что преступник был в курсе ее передвижений. Он мог быть знаком с ней. – Полные щеки Самохина порозовели от удовольствия. – И он ее там караулил.

– Он мог быть с ней и не знаком, – отреагировал тут же Воронов. – Мог просто за ней наблюдать долгое время. И знал о ее привычках.

– Скорее, так и есть, – согласился полковник и отдал Самохину его план. – Все предыдущие жертвы никак не связаны между собой. Вообще никак. Ни общих знакомых, ни родственников, ни знакомых знакомых. Не ходили в одну поликлинику, не ездили в одни и те же лагеря. Жили далеко друг от друга, учились и работали все в разных местах. В магазинах бывали разных. Это о чем нам говорит, Володя?

– Выбор жертв случаен, товарищ полковник. Он просто натыкается на кого-то взглядом, начинает наблюдать, выбирает удобный момент. И убивает.

– Его психологический портрет готов?

– Готов, – с тяжелым вздохом ответил Воронов.

Полковник понял, почему тот вздыхает. Не очень-то Воронов доверял психологам. На его памяти они ошибались не раз и не два. Вот и сейчас он считал, что предположение, мол, у убийцы, помимо проблем с потенцией, имеется какое-то физическое увечье, вполне может оказаться ошибочным.

– Он вообще, товарищ полковник, может быть красавцем. Без изъянов! Жертвы могли с ним сами пойти, потому что он им нравился. И насиловал он их не посторонними предметами, как предполагают эксперты. Он просто очень осторожный, поэтому и не оставляет ничего после себя. Ни единой нитки, ни слюны, ни пота.

– А зачем тогда такому красавцу все это? – возмутился Самохин и машинально поджал толстый живот, упершийся в стол. – Если он без изъянов? Он же урод! Урод конкретный!

– Когда я говорил об отсутствии изъянов, я имел в виду физические данные, коллега, – посуровел Воронов. – То, что мозги у него набекрень, это сто процентов. Но вот что касается внешности и всего остального – у меня сомнения.

– А как бы ты описал его, Воронов? Ты же у нас первоклассный психопат! – оскалил мелкие зубы Самохин, вроде улыбаясь. И тут же фальшиво перепугался: – Ой, перепутал! Хотел сказать – психолог!

В кабинете стало тихо. Все сразу вспомнили прошлогодний случай, когда Воронов, не совладав с нервами, выбил зуб отчиму маленькой девочки, которую тот день за днем совращал в отсутствие матери. Великих трудов стоило полковнику замять скандал. Воронову пришлось посещать специалистов, чтобы его не отстранили от работы. Вот тогда-то он и воспылал нелюбовью ко всем мозгоправам сразу.

– Никто не может прочесть мои мысли! Никто! – возмущался он, сидя за бутылкой водки с другом Никитой Сизовым, лучшим криминалистом всех времен и народов, по мнению Воронова. – Да, могут по моим привычкам и манере одеваться или говорить составить какое-то представление обо мне. Но!..

– Что? – Никита смотрел как завороженный: всегда считал Воронова самым умным опером.

– Но я ведь могу и притворяться. Могу менять привычки каждую неделю. Могу гардероб менять. Отвечать, ходить, говорить по-разному! Никто, Никита, никто не может влезть в мой мозг и понять, что там!

– Почему? – пьяно моргал Никита.

– Потому что я и сам иногда не знаю, что там. Не знаю, чего хочу, с кем хочу и как хочу! Как они-то могут?..

– Так как бы ты описал его, Воронов? – Самохин сел к нему вполоборота, мало заботясь, что оказался спиной к полковнику. – Можно услышать твои замечательные мысли на этот счет?

Снова все затихли. Даже полковнику стало интересно, что он ответит.

Воронов встал, одернул китель с мотающейся на одной сопле нижней пуговицей. Как на уроке – задрал подбородок, уставился в окно, забубнил:

– Мое мнение, что он нормальный в физическом плане. Эта тварь даже нравится женщинам. Ни у одной из жертв не было следов борьбы на теле. Их никто не усыплял, не отключал никакими приемами. Они шли с ним добровольно. Он хорош собой! Это первое. Второе: он умеет наблюдать. Задолго до убийства он выбирает жертву и ведет ее. Третье: умеет обставлять преступление. Место выбирает заранее. Такое, где никого нет, где ему никто не помешает. И это всегда на улице! Смею предположить, что он живет не один. У него даже может быть семья. Или он просто не желает гадить дома. Поэтому улица. Всегда только улица. Только пустыри. Он хорошо знает этот город. Четвертое: он мастерски владеет ножом. Но не как спецназовец или мясник. А как человек, обладающий врачебными навыками.

– Хочешь сказать, что он врач? – задохнулся от возмущения Самохин. – Ты совсем, что ли, Воронов? Днем режет пациентов на операционном столе, а ночью на улице?

– Капитан Самохин! – одернул его полковник и сделал повелительный жест рукой. – Сядьте как следует.

Самохин резко дернулся на стуле, отвернулся от Воронова. Взгляд испуганно метнулся в сторону шефа и тут же поплыл по кабинету, по лицам присутствующих – в поисках поддержки. Но никто не отреагировал. Все с интересом слушали Воронова.

– Продолжай, Воронов, – велел полковник.

– Он может быть практикующим врачом. А может и уволенным, лишенным практики. Мог в его жизни быть несчастный случай, смерть пациента. Скорее пациентки. Это выбило его. Или…

– Или? Чего замолчал, Володя? – поторопил полковник.

Мысли Воронова ему нравились. Он считал прорывом этот его доклад. Было видно, что парень обо всем этом думал не день и не два. Несмотря на запои, которые случались, что греха таить, после развода с женой.

– Или ему это понравилось, товарищ полковник. Ему это, может, просто в кайф. Удовольствие убивать! Он мог убить пациентку намеренно.

– Что же нам теперь, всех отстраненных врачей по городу пропесочить? – возмутился Самохин. – Кто зуб не так вырвал, кто роды неудачно принял… Знаешь, Воронов, сколько их может быть? А если он уже состоявшимся уродом сюда приехал?

– Понадобится, Самохин, так станешь по всей стране искать, – жестко оборвал его полковник. И обратился к Володе: – Что ты уже сделал в этом направлении?

– Ребята проверяют все медицинские учреждения, товарищ полковник. Пока безрезультатно. Не могу не согласиться с капитаном Самохиным: этот человек мог приехать сюда откуда-то. И тогда…

– Что?

– Тогда искать его мы можем годами. Пока сам не попадется. Или пока у нас не появится свидетель.

Глава 3

Сашка заглянул в комнату, куда она перебралась почти месяц назад. Хмуро глянул на нее, скорчившуюся под одеялом, потом спросил:

– Ты на работу сегодня собираешься?

– Да, – отозвалась Арина, не поворачивая головы.

Она лежала к нему спиной. Нарочно отвернулась, знала, что он заглянет перед уходом.

– Тогда вставай. Времени знаешь сколько?

– Сколько?

– Семь тридцать, дорогая. Потом будешь метаться, как заполошная курица. Вставай, говорю!

Он хотел, чтобы его голос прозвучал твердо, даже издевательски. Чтобы задеть ее, заставить возмутиться. Чтобы напомнить, как у них все было, когда они могли собачиться часами, а потом валились в койку и вытворяли там такое…

Не вышло. Голос дрогнул, зазвучал просительно, жалобно. Арина немедленно все поняла и не приняла подачу. Так и лежала, не поворачиваясь, под одеялом.

Он переступил порог этой комнаты, которую она захватила двадцать восемь дней назад. Сел на краю дивана у нее в ногах.

– Аришка, ну что ты? Поговори со мной!

Они же десять лет вместе, знают друг друга как себя – вот что ему хотелось добавить. Он поймет! Он поможет! Но тут же в мыслях пробежало холодком: знали до той самой ночи, когда она убежала из дома. В спортивной одежде убежала и в домашних тапочках. И ничего этого на ней не было, когда Арину обнаружили. Она была совершенно голой, когда ее нашли на каком-то загаженном пустыре. Даже тапочек не было. Голая и замерзшая. Ее заметили какие-то пацаны, прятались там, видно, с сигаретами. Перепугались, конечно, до смерти, вызвали полицию и «Скорую».

Арину увезли. И она еще три часа находилась в глубоком обмороке. Переохлаждение после насильственных действий – это первое, что ему сказали врачи. Потом уже, когда были проведены все анализы, выяснилось, что Арину никто не насиловал.

– Никто не совершал над ней противоправных действий сексуального характера, – пробубнил Сашке в переносицу высоченный доктор с руками мясника. – Обморок вызван действием какого-то вещества.

– Ее опоили? – просипел он, хватаясь за горло.

В голове проскочило сразу столько омерзительных картин. Много гаже тех, что не давали ему спать той ночью.

– Инъекция. Ей сделали инъекцию какой-то дряни, и она отключилась. Но это помогло ей не замерзнуть насмерть. Холодно уже на улице. Это была инъекция, господин муж.

И доктор зачем-то пожал плечами, будто хотел сказать: а я что, ты муж, ты и разбирайся, почему твою жену находят на улице совершенно голой после того, как она не ночевала дома.

– Она скоро очнется? – спросил он доктора двадцать восемь дней назад.

– Думаю, вечером вы уже сможете ее навестить. Это просто медикаментозный сон.

– И все? – усомнился Сашка.

– А что вам еще надо? – Доктор нетерпеливо дернул плечами. – Изнасилована она не была. Ее не били, ни к чему не принуждали. Просто вкололи что-то и раздели.

– Но почему?

Он с силой сжал кулаки. Услышал, как хрустнули суставы. Ему так хотелось пустить их в ход – все равно в каком направлении. Хоть бы и по доктору пройтись, пусть он ни в чем не виноват.

– Что почему? – не понял доктор.

– Почему отключили, раздели и ничего не сделали?

– А я откуда знаю? – окончательно потерял терпение лечащий врач Арины. – Может, расхотели, может, спугнул кто! Послушайте, я что-то не пойму. Вы сожалеете, что ли?..

И вот тогда Сашка ударил. Не доктора, нет – в стену ударил рядом с его головой. Двинул с такой силой, что хрустнули кости и брызнула кровь.

– О господи, – закатил глаза доктор, – теперь еще и этот… Ладно, идемте.

Аринин врач попросил сестру обработать расшибленный в кровь кулак, наложить повязку и дать герою успокоительное. Сашка позволил все, кроме успокоительного. Он не желал. Не желал успокаиваться! Он хотел быть злым, отчаянным – чтобы поймать тех уродов, которые осквернили его чистую Аринку, и наказать. Жестко наказать!

Потом он пожалел, что не принял лекарство. Потому что наказать часом позже ему захотелось уже молодого капитана полиции. Тот явился в больничку с пропитой сонной рожей и принялся задавать ему мерзкие вопросы.

– Какие отношения у вас были с супругой? – Некто капитан Воронов уставился на Сашку мутным полупьяным взглядом.

– Это еще вам зачем?

– Затем, что мне надо понять, по какой причине она оказалась одна на другом конце города абсолютно… – он поискал слово помягче, – абсолютно без одежды. Вы поругались?

– С чего это? – огрызнулся тогда Сашка и спрятал глаза.

– А с чего она ушла из дома?

– А может, она не приходила? – ляпнул он и тут же пожалел.

– Вам лучше рассказать мне всю правду, Богданов, – со вздохом произнес капитан Воронов и спрятал в кулаке зевок. – Я же не просто так задержался и приехал в больницу с опозданием. Я задержался потому, что уже опросил ваших соседей. И участкового.

– Это еще зачем? – нахохлился сразу Сашка, поняв, что из таких источников ничего хорошего об их с Аринкой жизни капитан узнать не мог.

– Чтобы составить общую картину происшествия.

Они помолчали. Потом Сашка признался:

– Мы поскандалили.

– По слухам, вы это делали часто, так?

– Так.

– И ваша жена, как это бывало обычно, убежала из дома. Вы угрожали ей расправой?

– Нет. Она не потому убежала. – И он неожиданно грустно улыбнулся. – Она просто сбежала, чтобы не побить меня.

– Что-о? – На сонной роже капитана впервые появилось какое-то подобие интереса. – Побить вас?

– Ну да. Я частенько достаю ее. Так, собачимся. Больше от скуки, думаю. Нет, не подумайте, в койке у нас все супер. А как из нее вылезаем – так начинается.

На этих словах капитан тяжело вздохнул и увел взгляд в сторону больничного окна. Может, ему такое тоже ведомо? Попробуй их пойми, служивых.

– Вчера вечером все было как обычно, – вспоминал Сашка. – Я ей слово – она мне сорок в ответ. Я завелся – она не отставала. А когда я разошелся окончательно, она удрала.

– А могла побить? Вас? – недоверчиво уточнил Воронов.

– Могла. Так уже было. Аринка сильная, ловкая. Она мастер спорта. Каратистка хренова! – И он даже тихо рассмеялся, хотя на душе было гадко. – Вчера тоже убежала прямо в тапочках и без телефона. Обычно она на каруселях во дворе сидит. Или на лавочке. А вчера…

– Что?

– Там было занято.

– Вы искали ее? – спросил Воронов.

Сашке в его вопросе послышался упрек.

– Нет, – ответил он честно. – Я просто… Просто не знал, где ее можно искать.

– У друзей, к примеру. У родственников. Есть такие?

– Родственники далековато. А друзья… Она не пошла бы с этим к ним. Тем более ночью! Аринка не такая. Будет одна переживать. Обычно она возвращалась, когда я свет гасил. Залезала ко мне в кровать, я просил прощения, и…

– И все до следующего раза, – закончил за него Воронов таким тоном, как будто знал все.

– Угу. Как-то так.

– А вчера было не так. – Воронов вел свое, как будто не слыша его, и все так же сверлил взглядом больничное окно. – Вчера все пошло не так. Оно ведь так именно и случается. Кто-то из двоих просто первым сходит с дистанции. Или он, или она.

– От вас что, жена ушла? – догадался Сашка.

– Ушла, – вздрогнул капитан и глянул на него почти с отвращением. – Но она ушла к матери. Ее не нашли голой и без сознания на пустыре. Откуда нам знать, может, это вы ее так решили наказать? Вы ведь той ночью уходили куда-то. Куда? Где вы пропадали почти три часа? Вы все же искали ее? И нашли, так? И решили наказать, опозорив таким чудовищным образом?

Внутри у него все сжалось плотным горячим комком. Он открыл было рот, чтобы объяснить, но тут же передумал.

Кто его поймет? Этот спивающийся после ухода жены капитан? Ага, ждите, как же. А Аринка поймет, когда узнает?

– Считайте, что искал, – соврал Сашка, скосив глаза на больничную стенку. – Но не нашел.

– Понятно.

Воронов задумался минут на пять и тоже, как и допрашиваемый, поблуждал глазами по больничному коридору, где шныряли молоденькие сестрички. Все как на подбор хорошенькие, стройные. Как будто конкурс здесь у них проводился на красоту такую при подборе персонала.

– Понятно, – повторил Воронов на выдохе. – Будем ждать, когда проснется ваша жена. И послушаем, что она вспомнит.

Арина не вспомнила ничего. Или делала вид, что не вспомнила. Тупо стояла на своем: шла по улице, упала и отключилась. Очнулась уже в больнице. Доктор, который ее лечил и с которым долго беседовали сначала Сашка, а потом Воронов, только пожимал плечами и бубнил, что он не может просветить ее воспоминания.

– Ее амнезия может быть реальной, а может – симулированной.

– Другими словами, она врет? – Воронов впился в доктора особым таким ментовским взглядом.

– Может. Вам лучше обратиться с этим вопросом к психотерапевту, хотя… – и он недоверчиво помотал головой. – Не очень-то я надеюсь на успех в данном случае. Если пациентка не захочет говорить, ни один мозгоправ не поможет.

По тому, как сверкнули глаза капитана, Сашка понял, что мнение насчет психотерапевтов тот полностью разделяет. А он, Богданов, думал иначе. Надеялся на их профессионализм. И сразу, как только Арину выписали, потащил ее в клинику к знакомому специалисту. Она послушно просидела в глубоком кресле все десять сеансов, ответила на вопросы, но так и не призналась, помнит она что-нибудь из событий той ночи или нет.

– Я затрудняюсь вам ответить, симулирует она амнезию или нет, – виновато заморгал доктор, принимая у Сашки конверт с деньгами. – Потрясение какое-то

у нее было, в этом нет сомнений. То ли память сама блокирует эти болезненные воспоминания, то ли пациентка нарочно их не трогает.

Все понятно: пациент скорее жив, чем мертв. Только деньги зря потратил. Аринка не разговорилась и не перебралась к нему в спальню, продолжала обживать гостевую комнату. Все его попытки сблизиться с ней заканчивались неудачей. Он поначалу злился, даже пытался спровоцировать скандал. Все бесполезно. Она молчала и сжималась в комок на своем диване.

– Я буду ждать, любимая, – обещал он всякий раз, как она его отвергала. – Я сколько угодно буду ждать.

Врал. С его темпераментом это просто невозможно.

– Аришка! Поговори со мной! – В голосе уже слышалось нетерпение. – Повернись хотя бы.

Она послушно повернулась. Даже села. Может, просто не хотела, чтобы он прикасался к ней?

– Что ты хочешь услышать, Саша? – ровно, как будто с чужим, ответила вопросом на вопрос. – Спрашивай.

– Что ты как робот, в самом деле! – Он вспыхнул, сорвался с дивана и встал перед ней, широко расставив ноги и упирая руки в бока. – Ты и на работе такая же? Да, нет, не знаю?

– На работе меня не допрашивают, – упрекнула она его едва слышно. – Там я просто работаю. И там мало кто знает, что случилось. Туда ты еще не добрался со своими рассказами.

Понятно. Упрекает, что он рассказал о происшествии друзьям семьи – Степановым и Разенковым. А почему он, собственно, должен молчать? Она сидит за столом и молчит часами – и ему молчать? Они задают вопросы – он отвечает. В конце концов в это был посвящен весь персонал больницы. И еще полицейские. И те пацаны, что ее нашли голой.

– Знаешь что! – повысил он голос. Заметил, как беспомощно сжались ее колени, и закончил совсем не тем, чем собирался: – Извини, если что не так. Но это вроде не секрет. Или я что-то путаю? Ты в полицию ходишь как на работу. В больнице тебя обследовали…

– Эти люди помалкивают, в отличие от тебя, – снова упрекнула она мужа.

Стащила с себя одеяло, встала и двинулась к двери.

Господи, что на ней надето? В чем она спит? Саша с удивлением рассматривал серый балахон, волочившийся по полу. Рукава длинные, воротник высокий, до самых ушей. Просто монашеское одеяние, а не ночная рубашка.

– Да что с тобой такое, Арина? – крикнул он ей в спину с горечью. – Что с тобой такое?

Она почему-то не ушла от ответа. Остановилась. Повернулась и глянула на него со странной полуулыбкой.

– Извини, Саш. Я просто пытаюсь жить по-другому. Ты всегда хотел, чтобы я изменилась.

– Да, но не до такой же степени! – Он вытянул в ее сторону ладони. – Что на тебе надето, черт побери?

– А, это. – Она помотала подолом рясы и снова странно улыбнулась. – Это просто ночная рубашка. Теплая, удобная. Я замерзла ночью.

– Так пришла бы ко мне, я бы согрел. – Он прошелся жадными глазами по ее телу, которое почти не угадывалось под балахоном. – Я скучаю, Ариша. Знаешь как скучаю!

– Дай мне время.

Она неожиданно вернулась, встала рядом, тронула ладонью его щеки, лоб, губы. Она любила это лицо.

– Дай мне время, Саша, – попросила она, упираясь лбом в его грудь.

– Время на что, малыш?

Очень осторожно он положил руки ей на плечи. Она не дернулась, как пару дней назад, не отодвинулась, не убежала.

– Мне надо во всем разобраться. Самой, без посторонней помощи.

– В чем разобраться, Ариша?

Он слегка потянул ее на себя, чувствуя знакомый возбуждающий запах ее тела. После сна она фантастически вкусно пахла.

– Для начала мне надо разобраться, чего хочет от меня этот странный Воронов. – По ее лицу прошла болезненная судорога. – Он все спрашивает и спрашивает, а я ничего не помню, Саша! Ничего! Кроме странных шорохов и шепота. Но он же достает вопросами. И я не могу понять…

– Что?

Если честно, он плохо слушал ее. Он уже целый месяц не прижимал ее к себе, такую милую, такую податливую. У него даже голова кружилась от того, как сильно он ее хотел. Сильное гибкое тело жены впервые за этот месяц сделалось послушным. Странно, конечно, что под ночной рубашкой она была в нижнем белье, но она в последнее время вообще вела себя странно. Ничего, переживет. Он еще не разучился избавляться от всего этого женского добра. В крючочках не запутается.

– Что ты делаешь, Саша? – вдруг пронзительно крикнула Арина. Ударила его по руке, задиравшей рубашку, и отскочила, будто обожглась.

– Ты чего чудишь-то, Арин? – возмутился он и тронул себя ниже пупка. – Ты не видишь? Я же хочу тебя – аж в ушах звенит!

– Ты опоздаешь на работу. Я тоже. – Она говорила отстраненно, как весь этот последний месяц. – И мне еще в полицию надо заехать, не забывай.

– Ариш, ну давай по-быстренькому, а? – Он был противен сам себе за то, что клянчил у нее удовольствие. – Чего ты, а? Давай!..

– Не сейчас. – Она отступила в коридор и закончила уже оттуда: – И не сегодня.

«Чертова сука! Чертова ненормальная сука! – стучало в мозгах, пока он бежал по лестнице, шел через двор к машине и усаживался за руль. – Лучше бы ты не вернулась тогда! Лучше бы избавила…»

Он понял, что последние мысли были не просто запретными – они были страшными, преступными. Надо сосредоточиться на дороге. Хотя он слишком раздражен, чтобы вести сейчас машину, вон даже ожидание на светофоре кажется невыносимым. В конце концов, едва не сбив пешехода на переходе, он свернул в проулок и заглушил мотор. Нужно было срочно отдышаться, успокоиться, взять себя в руки. Через пару кварталов место его работы, там он не последнее лицо. И лицо это привыкли видеть приветливым, спокойным, часто улыбающимся. Хмурый вид на службе не приветствуется.

Он достал мобильник из кармана куртки, нашел в списке зашифрованного Степана Игнатьевича, нажал вызов.

– Алло! – хрипло произнес он в трубку. – Говорить можешь?

– О, Валюша, привет! – ответили ему с наигранной радостью. – Как ты там? Давно не звонила. Как дела?

– Ясно. – Он вздохнул. – Он рядом?

– А как же! Все как обычно. Ага. У меня все хорошо. Олег, правда, сегодня снова уезжает и бросает меня одну. Слушай, как кстати, что ты позвонила! Может, сходим сегодня куда-нибудь, а? Может, в баню? У меня абонемент на два места завалялся. Пропадет ведь.

– Ясно, – сказал он, когда собеседница замолчала. – Освобожусь к семи и сразу поеду туда. Ты будешь уже на месте?

– Да, конечно. До встречи!..

Да пошло оно все! Саша швырнул телефон на панель, завел машину. Снова вырулил из проулка на проспект. Он постриг принимать не собирается. И ждать не собирается, пока Аринка разберется со своими тараканами и допустит его к себе. Он мужик – здоровый, молодой, темпераментный. Он трех дней без секса не может, не то что месяц! Она с ума, что ли, сошла и поэтому его к себе не подпускает? А может?..

А может, у нее любовник есть? Почему он об этом не подумал? Может, ту ночь она провела с ним? Просто что-то пошло не так, они разругались, и тот, желая ее наказать, совершил с ней такое. Пусть секса у нее в ту ночь и не было, это ничего не меняет. Она могла и с любовником выделываться, как сейчас с ним. Аринка любит, любит держать людей на коротком поводке…

Глава 4

Воронов осмотрел себя в треснувшем зеркале на дверце рабочего шкафа. Что сказать – здоровый образ жизни налицо. Он выглядит намного лучше, чем месяц назад. Одутловатость ушла, взгляд прояснился. Руки не трясутся. И башка работает как никогда. Он за те дни, что не пил, а именно за двадцать восемь минувших дней, раскрыл три преступления по горячим следам. Получил благодарность от начальства и удостоился личной похвалы полковника. И Людка Сизова, Никитина жена, даже стала ему передавать через мужа разные супчики, котлетки и жаркое. Стало быть, перестала его ругать и принялась сочувствовать.

Осталось прогнать тоску из души, и тогда можно будет сказать, что он полностью излечился. Но тоска эта мерзкая никак не прогонялась. Угнездилась в сердце и царапала, царапала… Особенно когда он возвращался со службы. Дома становилось совсем худо. Он пытался звонить бывшей жене, но она не брала трубку. Хотел пару раз сына забрать из детского сада – воспитательница не разрешила. Видите ли, нет на этот случай специальной бумаги от матери.

Нет, ну можно это выдержать? Чем он так провинился, что ему видеться с сыном не дают? Что работал день и ночь? Само собой, задерживался. Да, иногда приходил выпивши. И что, за это надо так наказывать? Он же не бил никого, не

скандалил, не оскорблял. И уж тем более не гнал никого на улицу темной ночью. Как Богданов тот же, жену которого Воронов сейчас ждал для беседы.

Богданов этот – мутный мужик, что говорить. Если бы удалось получить от его жены заявление, Воронов бы его точно закрыл на трое суток до выяснения. Просто так, чтобы нервы помотать.

Сначала заявляет, что не ходил жену искать. Потом, когда его фактами к стенке приперли, мол, видели тебя выходящим из подъезда и входящим через три часа, сразу заюлил: да, искал, но не нашел. А если нашел? Если надругался над ней таким чудовищным образом?

Воронов со вздохом захлопнул дверцу шкафа. Вернулся на свое место. У него теперь свой кабинет. Небольшой, но отдельный, свой. Позавчера подписали приказ о его назначении. И он впервые за все годы, что работает, не отметил повышение спиртным.

– Когда проставляться будешь, Володя? – ядовито скалился Самохин, считавший себя обойденным. – Зажал поляну, так?

– Как-нибудь, Илья Валерьевич, как-нибудь, – туманно отвечал Воронов и спешил мимо.

Самохина он не переносил. Тот отвечал взаимностью.

– Будешь обмывать? – поинтересовался тем же вечером Никита, когда Воронов высаживал его возле дома.

– Что скажешь?

– Не советую, – честно ответил друг. – Некоторые только и ждут, что ты снова развяжешь. Небось уже кляузу настрочили, только дату под ней не поставили – выжидают.

– Вот и мы подождем, – пожал другу руку на прощание Воронов. – Нам оно не к спеху.

Что на самом деле было спешно – разобраться с происшествием, которое случилось с гражданкой Богдановой двадцать восемь дней назад. Как можно скорее надо было разобраться, хотя некоторые опять же недоуменно пожимали плечами и не понимали, с чего это уголовный розыск вцепился в случай, не имеющий по существу ничего криминального.

На первый взгляд – да, ничего такого. Но чутье подсказывало Воронову, что не все так просто с этим делом. А чутье его еще ни разу не подводило. Только вот в семейной жизни не помогло. Не просигналило накануне ухода жены и кражи сына. А она его украла, считал Воронов.

В дверь осторожно постучали.

– Войдите!

Дверь приоткрылась, показалась Богданова. Он привычно оглядел посетительницу с головы до ног.

Среднего роста. Красивая спортивная фигура. В каждом ее жесте, в походке, в том, как она подтащила стул и села, чувствовалась физическая подготовка. Как же она могла пропустить нападение? Как поддалась? Или просто не ожидала?

– Я вас слушаю, товарищ капитан. – В карих глазах Богдановой была злость. – Каждый раз, как я прихожу к вам, вы меня рассматриваете. Я что, вам нравлюсь? Или наоборот, вызываю неприятные ассоциации?

– Ни то ни другое. – Он осторожно улыбнулся в ответ. – Я размышляю, глядя на вас.

– О чем же? – Она нетерпеливо глянула на часики, губы нервно дернулись. – Только учтите: пока вы размышляете, мое рабочее время идет. И за ваши размышления за счет моего рабочего дня мне никто не заплатит.

– Вы ведь работаете в компании… – Воронов сделал вид, что припоминает, хотя знал наизусть название ее конторы и адрес. Он назвал компанию, но нарочно ошибся в должности: – Старшим менеджером по связям с общественностью?

– Нет, старшим менеджером по персоналу, – поправила она не без раздражения.

– И много у вас персонала?

– Семьдесят пять человек.

Она поправила волосы на затылке и недовольно поморщилась. За всеми этими страданиями она совсем себя забросила. Давно пора в парикмахерскую. Ее прическа требовала профессионального вмешательства каждые три недели.

– Как у вас складываются отношения в коллективе? – спросил Воронов.

Он догадался, что означают ее жест и недовольное подергивание губами. Правда, на его вкус, волосы чуть длиннее ей бы больше пошли. Более женственной стала бы, что ли, не такой воинственной.

Красивая же девочка, даже очень. Карие глаза, длинные ресницы, рот изящный – губы полные, правильной формы. Если, конечно, она в них ничего не накачала. Даже если и так, все в меру. Скулы высокие, шея длинная. То, что шло ниже, было тщательно задрапировано складками каких-то многослойных одеяний. Много ненужного, подумал он. Интересно, она всегда так одевалась или стала прятать тело после того случая?

– Нормальные отношения, – отрезала она. – Вы к чему это спрашиваете?

– К тому, что кому-то вы могли насолить и этот кто-то мог с вами это сделать.

От него не укрылось, как она дернулась и сжалась под своими накидками. Взгляд заметался по кабинету.

– Мне некому мстить, капитан, – выдавила она с трудом через пару минут. – Если вы об этом. И кажется, мы уже это обсуждали. Разве нет?

– Обсуждали, да. – Воронов откинулся на спинку добротного офисного кресла, выбитого у кладовщика Никитой Сизовым. – Мы много о чем говорили с вами за минувший месяц, Арина Сергеевна. Но вы так и не сказали мне правду.

– Да? – Она фальшиво изумилась, приподняла запущенные брови. – И какая же правда вас интересует, господин капитан?

– Меня интересует, кто это с вами сделал. И почему вы его покрываете.

– Потому что я ничего не помню! – Она уставилась на него.

В ее глазах ничего нельзя было прочесть. Ничего, кроме упрямства и настороженности.

– Вы обманываете. – Воронов медленно покачал головой. – Боитесь? Оправдываете? Жалеете мерзавца?

Арина отвернула голову к левому плечу, спрятала половину лица в высоком воротнике накидки. Посидела так, чуть раскачиваясь на стуле. Потом спросила:

– А почему вы меня обманываете, капитан?

– Не понял. В чем?

– Вы не говорите, почему вцепились в мой случай, хотя он совершенно не принадлежит к числу криминальных. Вы ведь начальник уголовного розыска!

– Всего два дня, – буркнул он.

– И что за интерес у вас ко мне? Может быть… Может, я вам нравлюсь как женщина? А вы стесняетесь спросить, что я делаю сегодня вечером? – Она распрямилась, высоко вскинула подбородок, глянула надменно.

И его задело.

– Вы красивая женщина, Арина Сергеевна, – ответил он после паузы. – Но я не стесняюсь. Просто не знаю, о чем с вами можно говорить. Насколько вы готовы воспринять то, что я могу сказать?

– В каком смысле? – Ее подбородок дернулся и снова спрятался в складках.

– В том самом, что я боюсь причинить вам боль. Врачи расходятся во мнениях. Они утверждают, что ваша амнезия может быть настоящей, но не исключено, что вы симулируете. И я хочу знать почему.

– А я хочу знать, почему это вас так волнует.

Она вдруг резко поднялась, шагнула к столу и глянула на него полубезумными глазами.

– Почему, капитан? Даже моего мужа это с некоторых пор перестало волновать. Ему уже безразлично, что я чувствую, как ощущаю свое тело. Люблю ли его по-прежнему – свое тело! Он успокоился настолько, что сегодня утром попытался залезть ко мне под юбку.

Она запнулась – испугалась собственной откровенности. Щеки ее покраснели. Попятилась, снова уселась на стул, завернулась в свою длинную накидку, как в одеяло. Огрызнулась оттуда:

– Чего уставились? Да, мы спим с тех пор отдельно. Так мне советовали доктора. Только ни черта это не помогает, понимаете? Не помогает мне стать прежней!

Ему не стало ее жаль. Ему стало за нее страшно. Тех демонов, что терзают ее душу, ему, возможно, и не одолеть.

– В общем, так, капитан Воронов. – Она снова взяла себя в руки. Села прямо, голова высоко, взгляд холодный. – Вы сейчас говорите мне всю правду. Или я сюда больше не приду. Мои визиты носят добровольный характер, вы понимаете, да?

– Да.

– Правду! Почему вы ко мне прицепились? Именно ко мне?

И он начал говорить, очень подробно. Подробности эти были ужасными. Конечно, она почти сразу пожалела, что настаивала на откровенности. Все то, что казалось ей до этой минуты сном, вымыслом, игрой больного воображения, обрело черты реальности.

Значит, все это было? То страшное, что казалось ей ночным кошмаром, – это что же, правда?

Арина уперлась лопатками в спинку стула, стиснула кулаки в карманах широкой накидки.

– Подведу итог, – бесцветным голосом произнес Воронов, следя за ее реакцией.

Пока понять было ничего невозможно: Богданова сидела как замороженная.

– В ту ночь, когда была зверски убита очередная жертва, никто ничего не видел. Как и всегда. С места преступления тщательно устранены все следы, тоже как всегда. Никаких отпечатков, ничего, что могло бы выдать преступника. Одно но: в паре метров от того места, где жертве перерезали горло и где потом над ней надругались, все же обнаружены следы. Следы от подошв домашних тапочек предположительно тридцать шестого размера. Размер женский. – Воронов глянул на нее с мольбой. – Понимаете, Арина, это очень смелое предположение, очень! Но что-то подсказывает мне, что в ту ночью монстра кто-то видел. У преступления был свидетель, понимаете?

– И что же подсказывает вам, что этот свидетель я? – вяло отреагировала она, не глядя в его сторону. Кулаки она по-прежнему держала в карманах накидки. – Интуиция?

– И она тоже, – кивнул Воронов. – И то, что вы убежали из дома в тапочках. Мы не смогли снять слепок с подошвы ваших тапок, потому что вы были найдены без одежды. Но…

– Но с чего-то решили, что это мои следы, так?

– Да. Я думаю, что вы случайно стали свидетелем убийства. Как-то проявили себя, и он вас…

– Что?

Ее щеки сделались не просто бледными, они позеленели. Сейчас она сидела перед ним с низко опущенной головой. Со своего места ему было видно, как

подрагивают отросшие на макушке волосы. Ее трясло.

– Он схватил вас, смею я предположить, – тихо закончил Воронов. – Но по какой-то причине не убил. Просто вколол усыпляющую дрянь, раздел и бросил на пустыре.

– И что же это за причина, по которой он меня не убил? Что на этот счет вы смеете предположить? – тихо спросила она, не меняя позу.

– Не знаю. Я не знаю даже, прав ли я, думая так. Но если это так, вам угрожает опасность, Арина Сергеевна. Он будет следить за вами, будет охотиться. Специалисты составили его психологический портрет, но у меня на этот счет есть свое мнение.

– Какое же?

– Мне кажется, ему доставляет удовольствие не убийство само по себе, а скорее наблюдение за жертвой. Его мерзкое ожидание есть не что иное, как прелюдия.

– Прекратите, меня сейчас стошнит, – предупредила Арина тихо.

Посидела в тишине минуту, потом осторожно поднялась и медленно пошла к двери. Там остановилась и, не поворачиваясь, произнесла:

– Больше я к вам не приду. Не зовите. Это была не я. Вы ошибаетесь. Прощайте, капитан Воронов.

И ушла, осторожно прикрыв за собой дверь. Бесшумно, неслышно. По коридору тоже наверняка проскользнула как привидение в своем балахоне.

Это была она, у него почти не осталось сомнений. Она видела все. Возможно, попыталась вмешаться, полагаясь на свою физическую подготовку. Она же сильная, крепкая. Вон Богданов утверждал, что жена его способна свалить на пол одним ударом ноги. Но что-то пошло не так, она не справилась. Или перепугалась. Или чудовище застало ее врасплох. Или просто он оказался сильнее, чем тот, кого нарисовали специалисты.

Он сильный. Возможно, высокий. И симпатичный, наверное. Воронов продолжал рассуждать, не отводя взгляд от двери, за которой только что скрылась Арина. Красивый, поэтому девушки идут с ним. Добровольно! Он не отключает их при встрече. Не ломает им руки, не усыпляет. В легких ни намека на хлороформ или еще какую-то дрянь. Богданова первая, на ком он испытал усыпляющее вещество.

Девушки сами идут с ним, потому что – что?

Потому что знакомы? Или просто потому, что он им понравился? Или сумел уговорить сесть к нему в машину?

Машина точно должна быть. Точно! Убийца мобилен. И не может он, перепачкавшись в крови жертвы, сесть потом в такси или в последний троллейбус.

– Вовка, почему ты думаешь, что случай с Богдановой – его рук дело, а? – Никита явился к нему на ужин и теперь обсасывал куриную ножку. – Ни у одной жертвы в крови нет никакого наркотика. Вообще ничего! Они все были чистыми. А ей вкололи лошадиную дозу. Могла бы и окочуриться от холода на пустыре.

– Но не окочурилась, Никита. – Воронов вскинул глаза. – Хотя ночь была холодной и утро тоже. А она осталась жива. Даже от переохлаждения не пострадала. Почему?

– Не знаю. – Никита со вздохом швырнул косточку на салфетку. – Давай о чем-нибудь другом поговорим, а? На работе о работе, в кафе о работе. В кои-то веки пригласил к себе – и здесь не угомонишься никак. Отвлекись, дружище!

– А знаешь, почему она не замерзла, Никит? – Воронов будто его и не слышал.

– Ну почему, почему? – Никита назло другу стащил с блюда последнюю куриную ножку. Будет знать, как рот разевать.

– А потому, что ее там оставили незадолго до того, как нашли. Точно! Как я это сразу не понял, а?

Он радостно потер ладони. Прошелся взглядом по столу, обнаружил пустое блюдо, недовольно скривился:

– Вот только отвлекись – ты сразу все сожрешь. Разве друзья так поступают?

– А разве друзья заманивают к себе на ужин, чтобы два часа молотить о работе? – Никита невинно улыбнулся и шлепнул приятеля по плечу: – В кругу друзей кое-чем не щелкай, Вовка!

Они рассмеялись. На сковородке у Воронова была припрятана еще пара ножек – выучил за столько лет, как Никита любит таскать с тарелки последнее. Положил сразу себе, даже крышку от сковородки предупредительно выставил щитом, давая понять, что не поделится. Быстро расправился с курятиной и запросил кофе.

– Как ты его варишь, не варит никто, Никитка. Давай, давай, не капризничай. Людмиле в постель подаешь почти каждое утро, вот и за мной поухаживай. Друг все же.

Кофе получился божественным. Крепкий, но не горький, сладкий, но не приторный. Такой именно, как Воронов любил. Они достали из пластиковой коробочки по пирожному и уселись к столу с кофейными чашками.

– Да-а, – протянул Никита. – Если бы сейчас твоя Соня увидела это, шлепнулась бы запросто в обморок. Ее Воронов вместо водки хлещет кофе. Да еще с пирожными!

– С бисквитными, – добавил Воронов, округляя глаза в притворном ужасе.

– С бисквитными, – поддакнул Никита и закатил глаза от удовольствия. – А вкусно, черт!

Воронов улыбнулся и отложил пирожное на тарелку. Не любил он сладкое, для Никиты специально купил. Он бы предпочел крекер с солью или с сыром. Или с перцем – самое то.

– Вот ты скажи как специалист, Никит. Сколько она могла пролежать голой на земле? Чтобы не то чтобы не замерзнуть насмерть, а даже не простудиться?

– Тогда заморозков еще не было. При ночной температуре воздуха около десяти градусов часа два могла пролежать. Опять же все зависит от здоровья. Кому-то и сквозняка пустякового достаточно.

– Думаю, он ее туда притащил около шести утра. Еще темно было, народу никого. Пацаны в половине восьмого там нарисовались с сигаретками. Да, часа два она пролежала. – Воронов поставил чашку на стол, уставился рассеянным взглядом на коллегу. – Смерть Малаховой, по словам экспертов, наступила около полуночи. Богданову он привез на пустырь к шести. Где же он с ней столько времени забавлялся-то, а, Никита?

– Снова ты за свое? С чего ты взял, что это именно он с ней сотворил? Это же совершенно не его почерк, Вова. Ты чего, хватку теряешь?

– Нет, просто чую! – огрызнулся Воронов и вылил себе остатки кофе из кастрюльки.

– Ее мог муженек подловить на улице и вколоть чего-нибудь, чтобы она его снова не вырубила.

Взгляд Никиты сделался скучным. Сразу захотелось домой, к Людке. Ему с ней всегда хорошо – и помолчать, и поговорить, и даже поспорить. А Володьку на трезвую голову только больной и выдержит. Несет и несет одно и то же.

– Он мог ей вколоть какой-то дряни, отвезти на пустырь и бросить там голой. – Никита постарался как можно незаметнее глянуть на часы.

– Зачем?

– Чтобы отомстить за свое унижение.

– Таким извращенным образом? – Воронов недоверчиво выкатил нижнюю губу, помотал головой. – Чушь. И гопники ее бы нетронутой не оставили. Уж порезвились бы, поверь, от души. И дрянь такую со шприцем не каждый в

кармане таскает. Редкая же дрянь, сам говорил, Никита.

– Редкая, – нехотя согласился тот. – По составу похожа на импортное обезболивающее для онкологических больных. Дорогое обезболивающее. Но с чем-то явно оно смешано. Может, со снотворным каким?

– Вот! Уже зацепка!

– Ни хрена это не зацепка, Вовка. – Никита со вздохом полез из-за стола. – Пора мне, дружище. Людка ждет.

– Ладно, раз ждет. – Воронов был настолько погружен в свое, что, кажется, и не слышал, что ему сказали. – Все равно мне больше не за что цепляться, Никит. Ни единого следа. Может, история с Богдановой куда-нибудь выведет?

Так и застыл в кухне на стуле. Не слышал, как ворчит Никита, завязывая ботинки. Повернулся только на звук открывающейся двери:

– Позвони, как доберешься.

И улыбнулся тому, с какой силой приятель шарахнул дверью на прощание. Обиделся, что не пошел проводить. Обычно Воронов провожал его до машины или до автобусной остановки. Или до такси – когда им случалось выпить изрядно. Сегодня не пошел.

Допустим, Богданова, блуждая той ночью, случайно забрела туда, где маньяк надругался над жертвой. Допустим далее, что она его видела. Тогда почему молчит, не выдает его? Не помнит? Не видела лица? Или вообще ничего не видела, а сама стала жертвой?

Этот коварный убийца мог незаметно подкрасться к ней, отключить, вывезти куда-нибудь.

Тогда почему не убил? Может, Никита прав, и это не то чудовище, а какое-нибудь другое? Кто-то, о ком они не догадываются, сотворил с Богдановой эту мерзость?

Но зачем?

– Я дома, – отрапортовал Никита через полчаса.

– Отлично. Привет жене.

– Уже передал, – буркнул тот. – Ты это… Хотел тебя предупредить.

– О чем?

– Не вздумай Огареву о своих соображениях докладывать.

– Почему нет?

Он вообще-то и не собирался. Тем более что Богданова ясно дала понять: больше по звонку к нему не придет. А повесткой вызывать ее – нет оснований.

– Да потому что Огарев скажет: допился, рано начальником поставили. В общем, ты меня понял. И мой тебе совет: забудь об этой дамочке. Не при делах она, поверь.

– Откуда такая уверенность?

Воронов слышал на заднем плане смех Людмилы и ее негромкий голос. Наверняка с кем-то трещит по телефону. Может, даже с его Соней. Они тесно общались одно время, как сейчас – Воронов не знал. Он, черт побери, вообще ничего о них сейчас не знал. Ни о Соне, ни о Данилке. Полный запрет на общение наложила бывшая жена.

– Сам посуди, – проворчал Никита в трубку. – Была бы она так спокойна, если бы побывала в руках маньяка?

– А она и не спокойна. – Воронов вспомнил смертельную бледность на лице Богдановой. – Она явно нервничает и что-то скрывает.

– Но это все не то, как ты не понимаешь? – вдруг разозлился Никита. – Если бы эта сволочь провела с ней полночи, поверь мне, Богдановой вообще бы теперь не было. В лучшем случае лежала бы в дурке. Такое сложно пережить, а забыть невозможно! С ней же работали психологи.

– Ой, вот только давай не будем вспоминать психологов! Ты-то точно знаешь, что я без семьи остался не без их помощи.

Воронов отключил телефон, швырнул его в сердцах куда-то в угол. Это была запретная тема, которой касаться никому не позволено. Даже Никите.

Соня и Данила.

Его жена и сын.

Они прожили вместе семь лет. Нормальные, полноценные семь лет – так он считал. Вместе преодолевали трудности, когда Соня училась и нянчила маленького Данилку. Вместе мечтали. И все ему казалось прочным и незыблемым, пока однажды один из семейных психологов не решил, что их брак – большая Сонина ошибка. И ладно был бы психолог сторонний – он просто запретил бы ей его посещать.

Но видеться с этим семейным психологом он запретить не мог. Потому что этим психологом была его теща.

– Будь у тебя, дорогая, несколько жизней, я бы, возможно, и рекомендовала тебе жить с этим человеком, – совершенно не стесняясь его присутствия, заявила однажды Наталья Петровна прямо за воскресным обедом. – Чтобы заиметь какой-никакой опыт. Чтобы этот опыт позволил тебе обезопасить себя в дальнейшем. В следующей, так сказать, жизни. Но ты лишена подобной привилегии, впрочем, как и все мы. Поэтому единственное решение – развод.

Да, он не был идеальным мужем. Он мог выпить. Часто задерживался и работал в выходные. Пропускал дни рождения и детские праздники. Но он никогда ее не обижал, свою прелестную жену. Никогда! Он и не ругался с ней почти никогда. Не спорил, не оскорблял. Он любил ее.

Может, как-то не так он ее любил? Как-то не так, как рекомендуют психологи, мать их.

Воронов глянул на часы. Двадцать тридцать. Впереди длинный вечер, пустой и никчемный. В пустой квартире, где остались только диван и телевизор. Спальню Соня полностью опустошила. Из кухни тоже почти все вывезла, не взяла только стол и стулья, и то потому, что они ей не нравились. Еще старый холодильник ему оставила, который все недосуг было выбросить. Она сняла с окон шторы, забрала ковры и половики. Смела все с полок встроенной гардеробной. Не побрезговала даже кожаной курткой, которую сама ему подарила. О детской и думать не хотелось. Там она не оставила даже панно на стене, варварски выдрала его с клоками обоев.

Видно, хотела его таким образом наказать. Или семейный психолог присоветовал – чтобы сделать ему больнее.

Ему не жаль было вещей, бог с ними, с вещами. Да, создавали удобство, да, нравились, были привычными. Только все это было для семьи, а без них они зачем? Ему без Сони и Данилки в квартире и находиться не хотелось.

Может, этого и добивался Сонин семейный психолог, когда придумал оставить его в пустых стенах? Может, это именно теща выбрала такой изуверский способ наказать его за бездарно прожитые семь лет в браке?

Как бы там ни было, она своего добилась. В девять Воронов надел ветровку, взял ключи от машины и вместо того, чтобы коротать время у телевизора, двинулся куда-нибудь – так он для себя называл бесцельную вечернюю езду. Просто ехал сначала на заправку, заливал полный бак и кружил по городу часа два, а то и три. Иногда останавливался в людном месте, глушил мотор и наблюдал.

В основном за девушками. В основном за одинокими. Наблюдал и размышлял. Размышлял, сопоставлял и делал выводы.

Глава 5

Но сегодня он поступил иначе. Решил снова поговорить с теми мальчишками, которые нашли на пустыре Арину Богданову.

Их было трое. Один, Витек, оболтус и хулиган, из неблагополучной семьи. Врун из врунов – это Воронов понял еще месяц назад, когда впервые его увидел.

Второго мальчика, Сережу, воспитывала бабушка: родители работали вахтовым методом где-то далеко. Как считала бабушка, рос ее Сережа в строгости. Воронов пришел к другому выводу: улыбчивый тихушник Сережа казался много хуже вруна Витька. Хитрый, подленький, в искусстве вешать лапшу на уши запросто обставит троих Витьков.

Третий в этой компании, Егор, единственный был ребенком из нормальной семьи. Только вот вечно занятые родители проморгали тот факт, что их Егорка попал под дурное влияние. Мало того, стал по примеру приятелей врать и подличать. Курить, кстати, его тот же Сережа научил – таскал сигареты для обоих у бабки. У той склероз в начальной стадии, она разве углядит, сколько там из пачки пропало?

– А что ты хочешь, подростки. Все через такую школу жизни прошли, – хмыкнул Никита Сизов, когда Воронов пожалел вечно занятых родителей Егора, а заодно и мальчишку, сбивающегося с пути. – Другой вопрос, что из этой школы каждый вынесет.

Что бы его Данила вынес что-то из общения в дурных компаниях? Нет, этого Воронов точно не хотел. Но кто его спросит? Кто позволит вмешаться? Семейный психолог, она же теща Наталья Петровна, вспомнит все его прегрешения, заручится поддержкой коллег, соберет десяток справок с подписями спецов, чтобы оградить мальчика от дурного влияния неуравновешенного пьющего отца. Такими темпами она его, Воронова, и от работы отстранить может. Сука.

– Егора дома нет. – Дама в нарядном шелковом халате выглянула на площадку. Поправила высокую прическу. Оглядела Воронова. – А что вы хотели? Вы из школы?

Месяц назад Воронову пришлось общаться с отцом, мать тогда была в командировке.

– Нет, я из полиции. – Он показал удостоверение и поспешил успокоить мгновенно побледневшую мамашу: – Нет-нет, не волнуйтесь, ничего не случилось. Просто хотел кое о чем спросить вашего сына.

– На предмет? – Из-за спины матери выросла внушительная фигура. Папаша, тоже в халате, но в банном, белом.

– На предмет происшествия месячной давности, – коротко улыбнулся Воронов. И соврал: – Появилась новая информация, нужно ее проверить.

– Понятно. – Складка на мясистом лице отца разгладилась. – Боюсь, мы вам ничем не поможем. Егора нет.

– А где он?

– Его в городе нет, не только дома. – Отец широко развел руки, будто хотел со спины облапать жену. – Мы его от греха подальше к деду отправили, в Питер. Дед – кадровый военный, он ему спуску не даст. А станет бузить – вообще в кадетское училище отдадим. Так что…

– Так что извините, ничем вам помочь не можем. – Дама улыбнулась, неуклюже пролезла под рукой мужа и скрылась из глаз Воронова.

– И хотели бы уже забыть обо всем этом, – наставительно пробасил толстый папаша Егора. – О друзьях этих непутевых, об этой мерзкой находке. Всего вам, капитан!

Мужик с шумом закрыл дверь. Щелкнул замок. Из-за закрытой двери донеслось:

– Достали, мать твою! Какая-то шлюха под дозой забыла одеться, а мы отвечай.

Воронов поморщился, сделал шаг влево. Позвонил в соседскую дверь – в квартиру Витька. Сережа с бабушкой жили в соседнем подъезде.

У Витька долго не открывали. Потом что-то загремело, хрустнуло. С протяжным скрипом распахнулась дверь, обитая крашеной фанерой. Глянули два заплывших глаза.

– Че надо, мент? – Мать Витька почесала себя под левой подмышкой.

– Витя где?

Он сразу поставил ногу между притолокой и дверью, чтобы она не вздумала закрыть дверь у него перед носом. Мамаша проследила за его движением, криво ухмыльнулась. Пожала плечами.

– Где Витя ваш?

– Мой? – В голосе зазвенела ненависть.

Швырнуть бы эту бабу в корыто, полное мыльной воды. И замочить часа на два, чтобы отмылась как следует. От матери Витька несло грязными тряпками, перегаром, потом, еще черт знает чем, от чего его тошнило.

– Где сын, спрашиваю? – Он повысил голос и угрожающе навис над ней. – Лишить тебя материнства? Отправить его в детский дом, а тебя на нары?

– Чего сразу на нары-то? – обиделась она.

– За тунеядство!

– А хрена там! – Она показала заскорузлый кукиш и повертела им туда-сюда. – Работаю я, всегда работаю. Официально с трудовой книжкой. Так-то, мент.

– А чего нажралась тогда, раз работаешь?

– Имею полное право в законный выходной. – Она подперла бока кулаками, и ее тут же повело в сторону, пришлось хвататься за притолоку. – Витька у овощного трется наверняка, конца смены ждет. Они до десяти работают.

– Зачем трется?

– А пересортицу ему отдают, которую не продали. Помидорка где-то помялась, апельсины заплесневели или яблоко с одного бока подгнило. Бананы вчера

принес – вполне, знаешь. Закусывали и Витька хвалили.

– Вот же дура: сын – добытчик, а ты пьянь! И не стыдно тебе? Пойдет по твоим стопам – тебе понравится?

– В смысле? – не поняла спьяну.

– Пить станет с тобой на пару, вот в каком смысле. Тебе понравится?

– Чего это он пить станет? Сразу прямо и пить…

Она оскорбилась! Нет, ну вы видали?

– А того, что яблочко от яблоньки – сама знаешь. Он каждый день видит тебя, пьяную, немытую, вонючую. Не запьешь с такой радости, а? Как думаешь?

Она вдруг потупила взгляд и, покачиваясь, молчала минуты три. Потом с тяжелым вздохом оторвала руки от притолоки и провела ладонями по лицу, будто умывалась.

– Ты меня, мент, не воспитывай, самой тошно. А как бросишь? То мужик бутылку принесет, то друганы его. Соблазн это называется. Понял?

– Это не соблазн называется, это называется алкоголизм. И его лечить надо. Ты хоть знаешь, что твой Витек курит? А ему сколько лет?

– Курит? – протянула она, и заплывшие глаза странно вытаращились на Воронова. – Не врешь?

– Зачем я буду врать? Потому и нашли месяц назад женщину на пустыре, что с сигаретками там шкерились.

– Вот сволота, а! А мне: «Мам, я даже не пробовал»! Как вот его воспитывать, если он врет постоянно? – со слезой воскликнула она.

– Личным примером, – произнес Воронов почти по слогам. Убрал ногу от двери, пошел к лестнице. Оттуда крикнул еще раз: – Только личным примером!

Витек в самом деле торчал у овощного. Сидел на бетонных ступеньках перед служебным входом. У ног валялся объемистый пакет.

– Здорово, Витек, – осторожно улыбнулся Воронов и резко сократил расстояние: боялся, что пацан даст деру. – Как жизнь молодая?

– Нормально, – буркнул тот и резво наступил на окурок – заметал следы.

– Чего там? – кивнул на пакет Воронов. – Овощи-фрукты?

– Ага. Хлеб еще. Уронили с лотка сразу три батона здесь за углом. – Витек довольно улыбнулся. – Они даже не испачкались совсем. Над огнем подержи – все микробы сдохнут. Просто в пыль упали и лежат, а я подобрал.

– А ты все подбираешь, что плохо лежит, так?

Воронов поставил ногу на нижнюю ступеньку, так что если бы пацан вздумал сорваться с места, сразу бы споткнулся. Второй ногой подпер пакет с трофеями, их Витек точно не бросит. Тот наконец понял, что попал в западню – перестал дергаться и стрелять глазами.

– Не все я подбираю, – забубнил Витек, – чего сразу все? Хлеб, говорю, упал.

Похлопал себя по карманам, достал надломленную сигарету, вставил в рот и поднес зажигалку. Этого Воронов стерпеть уже не мог. Да этот Витек чуть старше его Данилки! Разве он может представить сына дымящим?

– Я тебе покурю! – выдернул он сигарету прямо у шкета изо рта. – Курилка нашелся! Следом за стакан возьмешься?

– Чего сразу за стакан? – Витек с сожалением проследил за сигаретой, которая исчезла под каблуком Воронова.

– А так все начинается, Витя. Сначала сигаретка, потом стакан, потом вещь украсть – пара пустяков.

Он это просто так сказал, без задней мысли. И тут же понял, что попал. Взгляд Витька заметался – со стены на землю, с земли на кусты, с пакета на ботинки Воронова.

– Какую вещь? – Голос у пацана размяк от перепуга.

– Ту самую, которую вы втроем скрыли от следствия, – шел уже напролом Воронов, хотя не был уверен ни в чем.

Витек за месяц мог украсть что угодно. И два месяца назад мог украсть, и три. Но выбора не было: надо кружить пацана, пока он один и стережет добычу, которую не бросит.

– Давай, Витя. Почему я должен из тебя по слову тянуть? Что вы от меня скрыли месяц назад?

Шкет молчал. Не иначе, прикидывал, что известно этому менту. Говорил ли он уже с Серегой? С Егором вряд ли – Егор в Питере.

– Или ты мне сейчас говоришь все как было, или я отправляю тебя в детский приемник, – пригрозил Воронов. – Мать пьет, отец в отключке, ты побираешься. Чем не повод привлечь внимание социальных служб?

– Ладно. Чего сразу в приемник-то? А оттуда куда, в детдом? Я лучше утоплюсь пойду, чем туда.

Витек глянул на него так мрачно, так по-взрослому, что у Воронова горло перехватило.

Что же это делается, а? Что у этой пары взрослых в мозгах, если их сын вынужден побираться у магазинов? Что у них в душе, что они не боятся парня потерять?

– Эту штуку Егор забрал. Мы так решили – от греха подальше. – Витек уставился на свои пальцы, которые переплел странным узлом. – Он же сейчас в Питере у деда.

– Какую штуку?

– Ту, которую мы рядом с теткой этой голой нашли.

– Что за штука?

– Золотая вещица такая. Монета – не монета, мы так и не поняли. Вроде монета, а дырочка сделана, чтобы на цепочку вешать. Мы решили, что она ей не нужна. Потому что она была абсолютно без всего. Даже сережек в ушах не было, хотя уши проколоты.

– А вы неплохо ее рассмотрели, прежде чем позвали на помощь, да? Тетка голая! Да без сознания! Можно и потрогать, так?

– Я не трогал, – брезгливо поморщился Витек. – Серега лапал ее. Он вообще какой-то ненормальный. Извращенец! Журналы всякие смотрит. В Интернете порно качает. Бабка его тю-тю! – Витек покрутил пальцем у виска. – Думает, он уроки учит, а он…

Таких откровений месяц назад Воронов не слышал. А кто станет откровенничать в присутствии взрослых? Даже с Витьком рядом мать сидела, странным образом очнувшись от запоя. И при Сереже бабка была. И отец при Егоре. Потому и бубнили в три голоса: ничего не видели, ничего не слышали.

– Лапал он ее, лапал и нашел кулон, так?

– Ага. Под спиной у нее лежал. Слева.

– В области сердца… – задумчиво обронил Воронов.

Его собственное сердце билось с такой силой и частотой, что глушило мысли. Если это кулон Богдановой, где цепочка? Как такое могло быть, что кулон нашелся, а цепочка нет? Пацаны заодно сперли?

– А цепочка была?

– Нет. Говорю же: ничего не было, даже сережек, хотя уши проколоты.

И он впервые глянул на Воронова открыто. Не врет, тут же понял капитан.

– Мы, само собой, пошарили там вокруг. Думали, может, еще чего есть. Нет, не было. Только эта монетка прилипла.

– К кому прилипла? К вам?

– Нет, к ней.

– Не понял.

– Смотрите: когда Серега ее повернул, эта монетка не на земле была, а прямо под левой лопаткой. Прилипла.

– Витя, а может, она уже лежала там, монетка эта? А когда женщину положили, она и прилипла. Может такое быть?

Витек на секунду задумался, потом замотал головой.

– Вряд ли, Серега ее ногтем сколупывал. Это как надо на земле лежать, чтобы железо к тебе прилипло? Трава с листьями не прилипли, а кулон прилип! Так не бывает.

– А как бывает? – капитан уставился на него с интересом.

– Или она долго лежала до этого на этой монете, а монета липкая была…

«В крови жертвы, например», – тут же стрельнуло у Воронова в голове. Надо узнать у подруг погибшей Малаховой, был ли у нее такой кулон.

– Или кто-то нарочно ее к ней прилепил. – Витек пожал плечами.

– А зачем?

– Так, поприкалываться.

– Это как?

– Я знаю, что ли! – возмутился Витек и осторожно сместился по ступеньке подальше от ноги Воронова – готовился к бегству. – Может, это метка такая?

– Золотая монета? – недоверчиво хмыкнул Воронов и на всякий случай ухватил Витька за воротник куртки. – Ничего себе!

– Мне откуда знать? – буркнул Витек.

Покосился на пальцы Воронова, вцепившиеся в воротник. Куртку он этому менту точно не оставит, завтра в школу пойти будет не в чем. Да и мать ныть станет, что он последнюю одежу просрал. Нет, без куртки он не сбежит.

– Я вон читал, что некоторые на месте преступления карту какую-нибудь оставляли. Или рисунок там.

– Какой рисунок? – чуть отвлекся Воронов.

По дорожке со стороны дома, в котором жил Витек, стремительно двигалась его мамаша. Надо же, переоделась, причесалась, даже странным образом протрезвела.

– Витя, – заорала мамаша еще издали, – не говори ему ничего! Без адвоката ничего не говори! А то понавешает на тебя всего!

Она подлетела, тяжело дыша, оттеснила Воронова подальше от ступенек. Встала между ним и сыном, глянула грозно.

– Чего тебе надо, мент?

– Просто беседую с вашим сыном. – Так, сейчас ему надо быть подчеркнуто вежливым. – И попутно слежу, чтобы он не попал в дурную историю.

– Есть кому за ним проследить! – Она стукнула себя ладонью в грудь. – Я у него есть, понял?

– Уже неплохо, – похвалил Воронов. Выглянул из-за ее плеча, наклонился к Витьку: – Звони Егору, чтобы он приготовил мне вещдок, я завтра за ним выезжаю. Понял меня?

– Какой еще вещдок? – заверещала протрезвевшая мамаша и ловко отвесила сыну подзатыльник. – Что, сволочь, украли что-нибудь? Украли, да?

– Ничего они не украли, – поймал ее руку капитан. – Они помогают следствию найти опасного преступника. Совершенно случайно у них оказалась вещь, которая может пролить свет на некоторые обстоятельства. Ладно, не важно.

– А что важно? – Она все еще тревожилась, и это не могло не радовать.

– Важно то, что вы пришли за сыном. Он хороший пацан, мамаша. Не упустите.

Она что-то забормотала, потащила Витька со ступенек. И даже, как в детстве, отряхнула ему штаны на тощем заду. Тут же прижала к себе и медленно двинулась с ним домой.

– Эй! – окликнул их Воронов и ткнул пальцем в сторону пакета. – Кое-что забыли.

– Ой!

Витек, разомлевший от внезапного родительского внимания, вывернулся из рук матери, вернулся, схватил пакет.

– Вы это, Егору не говорите, что я его сдал. Ладно?

– А что сказать? Ты же будешь ему звонить – он поймет.

– Да я что-нибудь придумаю. Скажу, что кто-то видел и настучал. Вы, главное, не сдайте меня, идет? – Узкая ладонь повисла в воздухе в метре от руки Воронова.

– Идет. – Он пожал руку, но не выпустил. – А что, мог вас правда кто-нибудь видеть?

– Вообще вряд ли, но… Там Сизый постоянно ошивается, такая падла противная. Мы его, конечно, не видали, но шорох какой-то в кустах слышали. Думали, собака или кошка.

– А кто такой Сизый? – заинтересовался Воронов.

– Сынок, не говори ему ничего без адвоката! – У матери Витька снова обострился материнский инстинкт.

– Ма, да погоди! – махнул в ее сторону сын. – Сизый – это бомж местный. Так прозвали, потому что пьет что найдет. Рожа вечно сизая.

– Он что, на пустыре живет?

– Он везде живет, где упадет! – рявкнула мамаша. Схватила сына за локоток, потащила. – Уходим, пока ты ему на статью не наболтал. Ишь, говорун нашелся! Сотрудничать он со следствием решил! Сам не знаешь, куда тебя это сотрудничество заведет, дурак!..

Воронов проследил за ними со вздохом и пошел к машине. Хоть что-то появилось в странном деле Богдановой.

Так что может означать эта прилипшая к телу монета? Почему прилипла именно к левой лопатке? Это какой-то знак? Или чья-то оплошность? Или след?

– Куда-куда тебе надо? В Питер? Зачем, скажи на милость?

Полковник Огарев вытаращился от изумления. Прищурился, прошелся внимательным взглядом по Воронову. Нет, не похоже, чтобы снова запил. Морда бритая, глаза смотрят ясно, мешков под ними нет. Одежда чистая, стрелки вон

на брюках. Соответствует образу. Чего тогда ерунду несет?

– Объяснись, Воронов. Основания для командировки должны быть весомыми. Другими словами, ты меня должен убедить. Сам знаешь, как сейчас с бюджетом. Слушаю.

Огарев строго поджал губы. Что-то от него Воронов скрывает. То ли сомневается, то ли на понимание не слишком надеется.

– Чего мнешься? Да присядь уже, не стой столбом. – Огарев кивнул в сторону стола, где обычно заседала вся группа. – Давай уже с самого начала. Вижу, что не знаешь, как подступиться. Итак?

– Товарищ полковник, месяц назад на пустыре была найдена гражданка Богданова. Без одежды, в крови высокая концентрация медикаментов.

– Живая или мертвая, я не понял?

Огарев порылся в памяти, но ничего такого страшного, связанного с этой фамилией, не вспомнил. Значит, гражданка Богданова была найдена живой.

– Да, она жива. Врачи сказали, что никаких насильственных действий совершено не было: ее просто раздели, положили на землю и так оставили.

– Ой, Воронов, ты как вчера родился. Может, спугнул кто, потому и не успели. Ладно, продолжай.

Огарев выразительно глянул на часы. Через полчаса совещание на самом верху, а Воронов, как назло, что-то мямлит. Странно себя ведет, неуверенно. Не похоже на него.

– Там с этой историей вообще много неясного. Женщина поругалась с мужем. Убежала из дома посреди ночи – такое случалось не раз. Но вместо того чтобы посидеть во дворе, как обычно, пошла бродить по городу. Она утверждает, что ничего больше не помнит. Даже не помнит, где шла.

Полковник совершенно потерял интерес к рассказу. Решил, что эта замужняя дама, заблудившаяся и странным образом забывшая все, – любовница Воронова. Чего иначе он о ней так печется? Хочет разыскать тех, кто вещи ее похитил? Так если из дома впопыхах убежала, вряд ли была в бриллиантах.

Он чуть не фыркнул этим своим мыслям и снова выразительно глянул на часы. Еще пять минут, и придется лететь по городу. А нарушать правила он своему водителю не позволял. Только в самых крайних случаях. Например, когда его старшая дочка в роддом попала.

Вспомнив о внучке, полковник умилился. И уже глянул на Воронова не так строго. И даже попытался в эту странную историю вписать свою дочку. Представить, что муж довел Маришку до того, чтобы она выскочила из дома в ночь и пошла бродить по улицам, было страшно.

– Капитан, я дождусь конца истории?

– Товарищ полковник, я скажу прямо. – Воронов шумно втянул воздух и протяжно выдохнул. – Что-то подсказывает мне, что Богданова на берегу стала свидетелем убийства. В ту ночь маньяк убил очередную жертву. Боюсь, не последнюю.

– Так. – Огарев насупился. – С какой это стати ты целый месяц молчал, а теперь мне об этом докладываешь, хотел бы я знать? В этом гиблом деле ни единого следа, ни одной зацепки, а у тебя целый живой свидетель. И ты молчал?

Он в самом деле рассердился. Его фамилию наверху скоро склонять начнут по всем падежам, а Воронов молчит, видите ли. Догадки строит!

– Она отказывается.

– Кто?

– Богданова отказывается свидетельствовать. Говорит, что ничего не помнит и никакого маньяка не видела.

– Так. Дальше.

– В паре метров от места убийства Малаховой были найдены отчетливые следы женской обуви тридцать шестого размера. Предположительно подошвы домашних тапочек.

– А Богданова выскочила из дома в тапочках? – Полковник Огарев снова представил дочь в домашних тапочках и ночной рубашке на улице ночью.

– Именно. В домашнем костюме и в тапочках.

– А нашли ее абсолютно голой?

– Так точно, товарищ полковник. Нашли далеко от места, где была убита Малахова.

– Так почему ты решил, что это дело рук нашего маньяка? Из чего следует, что Богданова стала свидетелем убийства? Погоди, закончу за тебя. – Он заерзал в кресле, даже о времени забыл, хоть оно безжалостно поджимало. – Она стала свидетелем убийства, как-то проявила себя, попала к нему в руки, но он ее почему-то не убил и не изнасиловал. Просто раздел и оставил на другом конце города. Так ты думаешь?

– Приблизительно, – осторожно ответил Воронов. Прекрасно понимал, как нелепо все это звучит.

Никита был прав, когда предостерегал его от откровений с начальством. Вид у Огарева был так себе. Недоверчивый, прямо скажем.

– А почему он ее не убил?

Полковник полез из-за стола. Схватил с тумбочки папку с документами, подготовленными для совещания. На Воронова он уже не смотрел. За уши притянута эта история с этой, как ее там, Богдановой.

На другом конце города. Найдена живой. При чем здесь маньяк, который после себя оставляет выжженное поле? На его счету уже четвертая убитая, над которой он надругался после смерти.

– Почему твоя Богданова осталась жива, капитан? – Огарев с жалостью глянул на него от двери и выразительно указал подбородком на выход. – Не вижу связи, капитан. Вообще не вижу связи.

– Я пока тоже не очень, но что-то подсказывает… – Воронов протиснулся в приемную. – Что-то подсказывает, товарищ полковник: Богданова знает больше, чем говорит. И очень боится.

– Только с чего ты решил, что она боится именно маньяка? – Огарев уже широко шагал по коридору. – Может, она мужа своего боится? После прогулки по городу голышом, а, капитан?

– Прошу прощения, товарищ полковник, но мужа она не боится.

– Почему? – Он даже остановился.

Он лично свою жену на цепь бы посадил, случись в его жизни подобное. Тьфу-тьфу-тьфу!

– Ты же сказал, что она не первый раз из дома сбежала, разве нет?

– Не первый. Но она убегала не потому, что боялась мужа, а чтобы не поколотить его.

– Чего-чего?

Они уже вышли на улицу. Накрапывал дождь, противный, мелкий, с ледяным ветерком. Но Огарев этого, кажется, и не заметил. Встал возле машины, уставился на Воронова, как на дурачка.

– Я тебя правильно понял: муж ее боялся, а не она мужа?

– Так точно, товарищ полковник.

Сказал и поежился. В отличие от Огарева, он противную влагу сразу ощутил на макушке, на лице, на шее. И мгновенно продрог. Он почему-то и по ночам теперь мерз, хотя спал под двумя одеялами. Но холодно было, неуютно.

– Она мастер спорта по каким-то восточным единоборствам. Мужа своего может запросто уложить на лопатки, вот и убегала от соблазна. И в ту ночь, месяц назад, сбежала. Обычно сидела во дворе, но там все ее любимые места оказались заняты. И она пошла по городу.

– В тапках? – Полковник взялся за ручку дверцы.

– Так точно.

– И следы от домашних тапок были обнаружены рядом с местом убийства?

– Так точно, товарищ полковник.

– А размер ноги?

– Совпадает, товарищ полковник.

– Но она все отрицает?

– Так точно, товарищ полковник!

Огарев не сразу так стал полковником. Начинал лейтенантом после училища. На оперативной работе провел не год и не два. И ход мыслей Воронова вдруг стал ему очевиден. И сомнения, из-за которых тот не делился с ним целый месяц, тоже вдруг стали понятны.

– Ты считаешь, что она на берегу стала свидетелем жестокого убийства, попыталась вмешаться, и он ее отключил? Тогда получается, портрет, который нам всучили психологи, неверен? И наш убийца физически крепок?

– Я сразу так предполагал, товарищ полковник. Не могли хорошенькие девушки клевать на физическое уродство. Думаю, он крепок и достаточно хорош собой. И как-то он их снимает. Чем-то заманивает.

– Значит, по-твоему, Богданова вмешалась, он ее отключил, но убивать не стал, – задумчиво повторил полковник.

Швырнул папку на заднее сиденье, влез сам. Поднял глаза на Воронова, послушно мокнущего рядом с машиной.

– Почему он ее не убил, капитан?

– Не знаю, – пожал плечами Воронов. Не сдержался, добавил ядовито: – Я же не психолог!

– Ты не язви, не язви, – с пониманием улыбнулся Огарев. – Ладно, есть над чем подумать. А в Питер тебе зачем, я не понял?

– Я снова говорил с пацанами, которые обнаружили Богданову. Выяснилась одна интересная деталь, – с азартом начал Воронов.

То, что Огарев не отмахнулся от него, а слово в слово повторил его версию, обнадеживало.

– Какая деталь? – полковник потянул дверцу автомобиля на себя.

Все, время вышло.

– Под левой лопаткой они нашли золотую монету. Или кулон, они точно не могут сказать. Один из них увез эту вещицу в Питер. Его туда родители спровадили, от дурной компании подальше.

– Обнаружили! Под левой лопаткой! – фыркнул Огарев. – Они что, ее ворочали, что ли?

– Не без этого.

– Вот засранцы! А самой Богдановой эта монета не могла принадлежать?

– Нет, я спрашивал.

– А погибшей Малаховой?

– Нет, подругам ничего не известно. Не видели ничего подобного у нее на шее.

– Думаешь, обронил тот, кто Богданову на пустыре кинул?

– Да, – снова замялся Воронов.

– Ты говори, что думаешь на самом деле! А не меня ублажай!

– Свидетели утверждают, что монета прилипла к ее коже. Боюсь предположить, но, может, он пометил ее таким образом? Игра? Вызов? Партия? Что угодно!

– А вот это много хуже, капитан, чем если бы он соответствовал имеющемуся психологическому портрету, – вздохнул Огарев. – Ладно, отправляйся в Питер. Командировку я подпишу. И никому, капитан, никому о нашем с тобой разговоре. Сам понимаешь, какой это бред.

Глава 6

За окном было мерзко. Ледяной ветер пролезал в крохотные щели в окнах и выдувал все тепло из комнаты. Вот тебе и новые технологии плюс непревзойденное импортное качество. Может, надо вызвать наладчиков, пусть что-нибудь здесь подкрутят?

Олег схватился за полированную ручку цвета слоновой кости, повертел ее туда-сюда. Подергал створку, даже приоткрыл немного. Снова захлопнул и повернул ручку вниз. Ничего не изменилось, все равно откуда-то поддувает. У него озябли ноги – конечно, стоит же босиком. Идиот, он совершенно забыл, что они с Олей заказали полы с подогревом, когда делали ремонт. Дорогие, модные, управляются с пульта, который лежал сейчас рядом на подоконнике. Сантиметрах в двадцати от его пальцев, сжавшихся в кулак.

Он вспомнил, но не торопился включать. Все так же стоял у окна с крепко сжатыми кулаками и смотрел на улицу.

От подъезда к машине, припаркованной метрах в сорока от дома, шла его жена Оля. Красиво шла, как велят модные журналы. Их у нее пруд пруди. Нарядно одетая, с прической. Она ловко умеет укладывать волосы. Почти вслепую, в зеркало не смотрит, но выходит здорово.

Вот она дошла до машины. Остановилась. Роется в сумочке – ищет ключи. Олег недовольно поморщился. Всегда учил ее ключи готовить заранее. Не стоит выглядеть рассеянной курицей, роющейся в сумке. Внимания в эти минуты ноль на то, что происходит вокруг тебя.

А вокруг нее, как Олегу казалось, одни мерзавцы. Так и норовят облапать глазами. Кто-то и на добро ее может позариться. Пока сумку растопырила в поисках ключей, нет ничего проще: подбежал, дернул из рук и помчался. Что, она за ним на шпильках побежит?

Говори, не говори – она все равно не слушает и делает по-своему. Вот и сегодня швырнула ключи в сумку, выходя из квартиры. Хотя логичнее было бы положить их в карман плаща. Или просто держать в руках.

– Нелогично. – Олег легонько постучал сжатым кулаком по подоконнику.

И тут же поймал себя на отвратительной мысли, что жена в последнее время слишком часто совершает нелогичные поступки. То ли забывается, то ли врет неумело. Или вообще не считает нужным щадить его чувства и болтает все, что на ум приходит. Он задает вопросы, ждет ответ по существу, а она болтает. Чушь всякую несет.

То в сауну она повадилась через день ходить, а банные принадлежности оставляет дома. Он удивляется – она отвечает, что там все теперь круто, выдают полный комплект, своего ничего не надо.

Ладно, проглотил.

Потом через день маникюрша. Зачем, ногти же в порядке? А она: пришло какое-то невероятно полезное масло, само вылечивает от кутикул, ей просто необходимо пройти процедуру. Процедура длилась три часа. Когда он поинтересовался, почему так долго, невинно улыбнулась и наплела что-то о сумасшедших очередях.

Позавчера он неожиданно вернулся из командировки и не застал ее дома. Позвонил ей, да. Не признался, что дома. Просто позвонил и спросил, что она делает. Оля притворно зевнула, сказала, что спать укладывается. Он прождал до утра, больше не звонил. Она не вернулась домой. И тогда он…

И тогда он взял свою дорожную сумку, надел то, в чем вернулся. И поехал обратно в аэропорт.

Она встречала его! Радостная, счастливая, соскучившаяся. Целовала его жадно и часто, шептала всякую милую чушь. А дома сразу потащила в постель.

Нет, вот как так можно обманывать? Она же не одна провела прошлую ночь, а с кем-то. И этот кто-то трогал ее, ласкал, любил.

Позавчера ночью он смотрел на нее спящую и изо всех сил сдерживался, чтобы не задушить. Сейчас Олег вспомнил все это и застонал.

Она сломала его. Испортила все, что между ними было. Она перекрыла ему кислород, отменила для него возможность быть хорошим и благородным. Теперь он, кажется, ее ненавидит. Исподволь наблюдая за ней, он открывал столько фальшивого, что душа изнывала от муки.

– Что мне с тобой делать, Оля? – прошептал он вслед удаляющимся фонарям ее машины. – Что мне теперь с тобой делать?

Первая мысль была развестись с ней. Изгнать из своей жизни, забыть. Мстительно мечтал выбросить ее на улицу в чем мать родила. Она же ничего не заработала! Она только и знает, что тратить его деньги. Он в разных вариантах проигрывал сцену их последнего прощания. Как она ползает у него в ногах, вымаливает прощение. Он будет непреклонным? Или все-таки проявит великодушие и простит?

– Не-ет, – протяжно выдохнул Олег и протянул руку за пультом, чтобы включить этот проклятый теплый пол. Ноги так застыли, что он уже не чувствовал пальцев. – Не прощу никогда гадину!

Он не простит, это он уже решил для себя. И обязательно накажет. Так накажет, что она станет вздрагивать всю жизнь. И жить с ней он, конечно же, не будет. Он с ней обязательно расстанется, но не сейчас, нет. Сейчас он еще не готов остаться один.

Звонок домашнего телефона заставил его вздрогнуть. Сейчас девять утра. Кто может звонить так рано? С фирмы не должны, он сказал, что будет к обеду. Оля позвонила бы на мобильный. Кто тогда?

Он медленно пошел в прихожую, по дороге успел почувствовать, как нагревается пол. Ему звонить не могли, размышлял он те тридцать секунд, пока шел. Значит, звонили Ольге. Она не должна была сегодня никуда ехать, на ее смешной работе ей вроде дали отгул. А она уехала. И тот, кто звонил, об этом не в курсе.

Это он! Тот человек, который украл его семейное счастье, пока он, Олег, зарабатывал деньги.

– Алло! – почти крикнул он, сняв рывком трубку.

– Че орешь-то? – хохотнул Сашка Богданов. – Напугал тебя, что ли? Или с Ольки снял?

– Знаешь что, Богданов! – одернул его Олег. – Этот твой площадной юмор…

– Извини, извини, друг, – примирительно заныл тот. – А ты чего не на работе? Я туда позвонил, меня отфутболили. Спасибо секретарше – шепнула, что ты дома.

– Уволю дрянь, – пообещал Олег.

На него вдруг накатила такая слабость, как будто он только что несколько километров пробежал в полном боевом снаряжении.

В глазах плясало. Слава богу, это не он, не любовник его жены. Это всего лишь Сашка Богданов, друг сердечный с самых детских лет. Он хоть и балабол и грубиян и общаться с ним сейчас особого желания нет, но это все равно лучше, чем осторожное дыхание в трубке. Или отвратительное «извините, я не туда

попал».

– Чего это я тебе понадобился? – поторопил Олег Богданова. С того станется, может трепаться, перетрет половину известных ему анекдотов и баек из армейской жизни.

– Ты помнишь, какой завтра день, Олежа?

– Помню. Завтра суббота.

Олег вздохнул и порылся в памяти. Ничего. Ни единого намека, что на завтра у них что-то общее запланировано. Слишком он сосредоточился на вероломстве своей жены. Слишком, вся жизнь побоку! Все его планы, друзья, желания.

– Суббота! – передразнил Богданов. – Завтра Таньке с Витькой по тридцатнику стукнет. Еще полгода назад договаривались, ты чего, Степанов?

– Ой, а ведь точно. И правда забыл: то командировки, то встречи. Извини, замотался.

– Замотался он! Ты замотался, Аринка моя того и гляди в монастырь уйдет. А нам с Ольгой твоей что, больше всех нужно? Мы вдвоем должны мотаться по городу в поисках подарков?

Слабая, такая слабая, что едва угадывалась, надежда проклюнулась в его оплеванной душе.

Может, Олькины отлучки как-то связаны с поисками подарка их лучшим друзьям, Тане и Вите Разенковым, которых угораздило родиться в один день? И нет ничего криминального в том, что она не ночевала дома, когда он внезапно вернулся? Просто засиделась допоздна у подруги, не захотела ехать через весь город: всюду вон только и разговоров, что о разгуливающем маньяке. Просто надо спросить ее, узнать имя подруги. Просто надо поговорить!

От этой проклюнувшейся надежды вдруг сделалось легко на душе. Так приятно стало слышать голос старого друга, что он даже рассмеялся.

– Чего ты ржешь? – тут же обиделся Сашка. – Мы выбрали подарки, хотя чуть не подрались. И если вам что-то не понравится…

– Все понравится, – сразу прервал Олег. – А что купили?

– Таньке посудомоечную машину для летнего домика, маленькую такую, удобную. Это Оля твоя выбирала.

– А Витьке?

– Витьке лодку надувную. Он же мечтал.

– Молодцы, все правильно купили, – неожиданно похвалил Олег. – Вряд ли наше с Ариной присутствие как-то повлияло бы на выбор. Нет, правда, молодцы. Слушай, а что ты там насчет Арины говорил?

– Что?

– Что-то насчет монастыря.

– Да… – Сашка тяжело вздохнул. – Понимаешь, Олег, что-то не так у нас с ней стало.

«У вас и раньше не особо было», – хотел он вставить, но решил воздержаться от колкостей. Не в его положении язвить.

– Раньше все было как-то понятнее. Поругались – помирились, поругались – помирились. Она не уступала, я тоже. А сейчас даже поскандалить не с кем. Она молчит!

– В смысле?

– Все время молчит. Молчит и смотрит в одну точку.

– Это после того случая, да? – Олег вспомнил о происшествии месячной давности.

– Вот именно. Психологи, понимаешь, сказали, что ничего страшного, все, мол, пройдет. А ничего не проходит, Олег! Ни-че-го! Она даже не спит со мной! – неожиданно выпалил Сашка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/romanova_galina/zakon-sil-noy-zhenschiny

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить